

ДАНА
АРНАУТОВА

ЕВГЕНИЯ
СОЛОВЬЕВА

КОРОЛЕВА ТЕНЕЙ

ДВОЙНАЯ ЗВЕЗДА

КНИГА 1

ТОМ 2

ИДДК

Королева Теней

Евгения Соловьева
Двойная звезда. Том 2

«ИДДК»

2019

Соловьева Е. С.

Двойная звезда. Том 2 / Е. С. Соловьева — «ИДДК»,
2019 — (Королева Теней)

Айлин Ревенгар предстоит стать избранной Претемнейшей Госпожи, но найти деньги на учебу в Академии нужно сейчас. Неважно, что для этого придется разогнать кладбищенскую нежить и вскрыть склеп – для отважной не-леди это не проблема. Сложнее не попасться строгим учителям. Для Аластора приезд в столицу – черед замечательных приключений. Но лучшее из них ждет его среди могил под завывание умертвий. Грегору Бастельеро казалось, что жизнь после окончания войны грозит лишь скукой и рутинной... Если бы он мог знать будущее, то попросил бы друга-короля вернуть его в действующую армию. А уж если бы будущее мог предвидеть сам король... Но пока восходящая Двойная звезда – всего лишь юная девушка, мечтающая о любви и балах, успехах в учебе и шалостях. Ее бдительно опекают братья-Вороны и недолюбливают некоторые соученицы. А еще – ее уже любят. Но кто?

© Соловьева Е. С., 2019

© ИДДК, 2019

Содержание

Часть третья	5
Глава 1. Игры белого змея	5
Глава 2. Не леди и упыри в придачу	14
Глава 3. Лев и роза	23
Глава 4. Война мантий	33
Глава 5. Редкая птичка	43
Глава 6. Призраки любят яблоки	53
Конец ознакомительного фрагмента.	56

Часть третья

«Не леди и ее рыцарь»

Глава 1. Игры белого змея

В дверь аудитории вежливо постучали, заставив Грегора на половине фразы прервать лекцию о способах диагностики и снятия многоуровневых проклятий.

– Войдите! – раздраженно бросил он, недоумевая, кому и что могло понадобиться.

Учебный день, первый в новом семестре, только начался, и все adeпты особого курса – теперь уже только десять, кольнуло что-то внутри – пришли вовремя и сосредоточенно рисуют в тетрадах схему энергетических потоков.

Дверь открылась ровно настолько, чтобы в аудиторию просочился дежурный мэтр в до того ярко-желтой мантии, что глаза резало. Кажется, это был именно тот иллюзорник, что при первом визите Грегора в Академию безуспешно пытался спрятаться от него в нише с доспехами.

– Мэтр Бастельеро! Милорд магистр Эддерли просил напомнить вам, что через час состоится заседание Совета глав гильдий, – торжественно изрек он и, покосившись на заинтересованно замерших адептов, многозначительно добавил: – По вашему вопросу.

Вовремя напомнил! По опыту зная, насколько штабное командование склонно к затягиванию жизненно важных решений, и убедившись, что глава Академии нимало от них не отличается, Грегор успел смириться, что заседание Совета состоится не раньше, чем произойдет Разлом. И даже тогда идею о запрете порталов провалят единогласно.

– Прекрасно, – уронил он, одарив иллюзорника внимательным взглядом, от которого тот почему-то побледнел и едва заметно попятился. – Благодарю, коллега.

– Так я... пойду? – уточнил иллюзорник, нервно покосившись на дверь.

– Я вас не задерживаю, – сухо подтвердил Грегор и перевел взгляд на адептов.

Шестеро глядели на него с восторженным любопытством. Против ожидания, среди них не было Саймона Эддерли. Сын магистра, перебравшись вместе с Аранвеном за последнюю парту, то и дело бросал обеспокоенные взгляды на Айлин Ревенгар, сидевшую между ними и сосредоточенно чертившую в тетради. Следует признать, причины для беспокойства у юношей были: за время вакаций Ревенгар изрядно похудела, осунулась и сильно побледнела. Не осматривай ее Грегор каждый день, заподозрил бы проклятие, последствия неосторожной клятвы или излишнее внимание Претемной. Но тогда он, по крайней мере, знал бы, что делать! И сделал бы, видят Семеро. А вот лекарства от горя еще не придумал ни один целитель.

Только поэтому Грегор сделал вид, что не заметил, как в середине лекции Аранвен, не глядя никуда, кроме доски, сунул в ладошку Ревенгар конфету в яркой бумажке! Интересно, он действительно думает, что Грегор ничего не слышит и не видит лишь потому, что стоит за преподавательской кафедрой? Он вспомнил себя адептом и вздохнул. Ну да, именно так все эти юные бестолочи и считают! А с кафедры, между прочим, прекрасный обзор всего кабинета, да и на слух опытные некроманты обычно не жалуются. Обертка же шуршит!

– Урок окончен, господа адепты, – сказал он, подумав, что полчаса из оставшегося до Совета времени уйдет на то, чтобы освежить в памяти собственные выкладки и продумать достаточно убедительную речь.

А Эддерли, к пророку не ходи, наверняка потребует Барготом проклятые учебные планы на всю неделю, которыми Грегор, как ни постыдно признавать, до сих пор не озаботился.

– Можете быть свободны. К следующему занятию каждый предоставит мне письменную работу по одному многоуровневому проклятию, способу его диагностики и снятия. Авторские проклятия приветствуются, – добавил он, чуть повысив голос, и adeпты оживленно зашумели.

– А что такое авторское проклятие? – растерянно спросила Ревенгар.

– Лично изобретенное, милая Айлин, – спокойно объяснил Аранвен и, бросив быстрый взгляд на Саймона Эддерли, добавил: – Предлагаю немедленно над этим поработать, раз у нас есть немного свободного времени до следующей лекции. Вы же не откажетесь отправиться с нами в библиотеку?

Девчонка, залившись краской, кивнула, и Грегора царапнуло глупой досадой: страшно и представить, что за проклятие изобретет эта троица! Да одной Ревенгар больше, чем достаточно, чтобы озадачить по крайней мере половину Фиолетового факультета – в структуре ее умертвия до сих пор не удалось разобраться никому! – а до чего они додумаются вместе?

«Ты же сам был доволен, что эта парочка за ней присматривает, – одернул себя Грегор. – Если изобретут что-то новое, тем интереснее. Главное, чтобы смогли это снять».

Он проводил взглядом покидающих аудиторию adeптов. Ревенгар, Аранвен и Эддерли выходили последними, причем Саймон размахивал руками так беспорядочно, словно пытался поймать невидимую муху, и громким яростным шепотом увлеченно излагал что-то о блуждающих по всему телу прыщах. Похоже, разработка проклятия уже началась.

– Это примитивно и не изящно, Саймон, – услышал Грегор спокойно-укоризненный голос Аранвена, прежде чем дверь за ними закрылась.

Сев к столу и взглянув на абсолютно чистый лист, на котором следовало написать план занятия, он от души позавидовал adeптам. Составить проклятие, даже в два-три уровня, сущие пустяки в сравнении с положенной преподавателям бумажной волокитой! Сам Грегор в годы учебы составлял их десятками на одном лишь вдохновении, а если вдохновения вдруг не хватало, достаточно было представить лицо какого-нибудь неприятеля. В бытность Грегора adeптом этим неприятелем чаще всего оказывался Роверстан...

Разумеется, ничего подобного Грегор делать не собирался, но...

Он отложил перо и полюбовался составленным в задумчивости заклинанием: попавший под него разумник должен был терять жизненную силу до тех пор, пока... пока... о, пока не женится! Отличный ограничитель для подобного распутника. А чтобы было еще интереснее, можно добавить второй ограничитель: пока не женится на Гвенивер Ревенгар. Такому умнику прекрасно подойдет самая глупая женщина, какую только знал Грегор!

Еще раз перечитав формулу, он с сожалением скомкал лист и бросил его в корзину для бумаг. Как бы ни хотелось отвертеться от проклятых планов, за него никто их не напишет. Нечего и затягивать.

Когда он поставил последнюю точку в последнем листе, до совета оставалось не больше двадцати минут. Зато планов перед ним лежала полная дюжина, пусть и написаны они были неразборчивым от торопливости почерком! «И пусть Эддерли делает с ними, что хочет», – подумал Грегор с легким приятным злорадством, несколько подпорченным подозрением, что проклятые планы никто не читает, а используются они исключительно для осложнения жизни преподавателей.

Собрав листы и от души потянувшись – и кто бы подумал, что от составления планов так затекает все тело? – Грегор вышел из аудитории и неторопливо направился к Башне Совета.

В первый учебный день Академия гудела, как встревоженный улей. Мимо Грегора сновали ученики, бросая на него боязливо-восторженные взгляды, с дальней лестницы доносился отчаянный шум, будто там ловили упыря или, что было куда вероятнее, кто-то дрался, а встречающие преподаватели смотрели на все это безобразие с благожелательными улыбками. Правду

сказать, Грегор сам испытывал непривычное снисходительное умиление, глядя на буйную молодежь.

Умиление, впрочем, он испытывал недолго. Ровно до того момента, как, свернув за угол, в малый холл, ведущий к лестнице в башню, увидел знакомые медно-рыжие волосы и... Проклятье! Караул! Что ли, этот разумник!

Дважды мысленно проговорив изобретенное проклятье – в первый раз торопливой скороговоркой исключительно ради успокоения, а во второй – с мстительной неспешностью, Грегор успокоился настолько, чтобы увидеть главное. Что рыжие волосы отнюдь не торчат во все стороны и не заплетены в две косы, а уложены в гладкий низкий узел. Что черная одежда собеседницы Роверстана – вовсе не ученическая мантия, а изящное, пошитое по последней придворной моде траурное платье. И, наконец, что женщине, только что величественно подавшей разумнику руку для поцелуя, никак не меньше тридцати!

– Вы так изменились, господин Роверстан, – произнесла дама с неприятно задевшей Грегора томностью. – Если бы вы знали, как я рада видеть вас!

– И я рад нашей встрече, леди Ревенгар. Сочувствую вашей потере, – учтиво и подобающе сочувственно произнес разумник, целуя воздух над самыми пальцами леди.

Гвенивер Ревенгар? Это и есть жена Дориана?!

«Ну и дрянь, – подумал Грегор с холодной злобой. – Не прошло и месяца со смерти мужа, а она очаровывает нового мужчину! Трижды проклятие! Хорошо, что Дориан об этом не узнает. А Роверстан, следует признать, ведет себя куда достойнее этой... леди! У него, по крайней мере, хватает чести почтить память давнего недруга, не флиртуя с его женой! Минутку! – спохватился он тут же. – Какая, собственно, нелегкая принесла Гвенивер Ревенгар в Академию? Впрочем, о чем тут думать? Она могла приехать только из-за дочери – но вот зачем?»

От Гвенивер Ревенгар и Роверстана его прикрывала разделяющая холл плетеная ширма, сплошь увитая какими-то вьющимися растениями вроде плюща, но обильно и ярко цветущими – работа стихийников – и Грегор замер за ней, стараясь не проронить ни слова.

От уверенности, что подслушивать и подсматривать не подобает истинно благородному человеку, он успешно избавился еще на войне, хотя в обычной жизни, разумеется, не унизился бы до подобного. Но если речь идет об одной из его подопечных, следует узнать о возможных неприятностях как можно раньше!

– Могу ли спросить, что привело вас в Академию? – поинтересовался разумник по-прежнему учтиво, но Грегор ясно услышал в его голосе равнодушие и едва заметное нетерпение.

Ну конечно! Роверстан обязан присутствовать на Совете и наверняка направлялся именно туда, когда повстречал леди Ревенгар. И не стоит сомневаться в том, что заданный ради обычной вежливости вопрос она воспримет всерьез. Что ж, тем лучше!

– Дело в моей дочери, господин Роверстан, – вздохнула леди Ревенгар и, поспешно достав из поясной сумочки кружевной платок, промокнула влажно заблестевшие глаза – такие же ярко-зеленые, как и у старого Морхальта. – Она... я не знаю, просто не знаю, что с ней делать! Видят Семеро, я изо всех сил желала быть ей хорошей матерью, хоть это и непросто. Вы ведь видели ее, не так ли?

– Разумеется. У вас прелестная дочь, леди Ревенгар, – улыбнулся разумник с неожиданно искренней, насколько мог судить Грегор, теплотой.

– Благодарю! – бросила леди с таким отчаянием в голосе, словно вместо комплимента услышала горестную новость. – Если вы ее видели, то должны понимать, почему мне было так сложно! Она так похожа на моего отца, своего деда. И все же я стремилась дать обоим детям соответствующее образование, прививала им достойные манеры. Конечно, Айлин всегда было далеко до Артура, поверьте, он идеальный сын, но она хотя бы старалась! А потом, едва у Айлин проснулась магия, она превратилась в маленькое чудовище! Она оскорбила Артура, едва вернувшись домой! Правда, мальчик был отчасти виноват – вам-то я могу об этом расска-

зять! Он дал понять Айлин, что она должна приветствовать его как наследника рода. Конечно, раньше времени, и, боюсь, здесь есть и моя вина, ведь это я всегда учила сына, что он должен вести себя как подобает наследнику, но... Она позволяет себе неподобающие вольности, она... она, наконец, ударила брата, а затем...

Леди Ревенгар снова промокнула глаза, и Грегор поразился, насколько же мать и дочь не похожи между собой! И это при почти одинаковых чертах лица! Тот же тонкий, еле заметно вздернутый нос, те же пухлые губы, те же миндалевидные глаза. И все-таки каждая, самая мелкая деталь облика Айлин Ревенгар свидетельствовала о текущей в ее жилах золотой крови Трех дюжин, чего и в помине не было у леди Гвенивер. Лицо дочери казалось отчеканенным на лучшей оружейной стали, матери – вылепленным из белой чинской глины.

– А затем погиб мой дорогой супруг, – глухо произнесла леди Ревенгар. – В день его отъезда Айлин предупреждала об опасности. Просила его остаться дома, и если бы я только присоединилась к ее просьбе... Возможно, Дориан и в самом деле никуда не поехал бы и остался в живых! Но когда его спутники привезли его тело... Я была вне себя! От горя, и от того, что в смерти моего возлюбленного мужа есть, вероятно, и моя вина! Кажется... я наговорила Айлин лишнего...

«Лишнего?! – яростно подумал Грегор. – Убедить ребенка, что любимого отца убила ее магия, – это всего только «лишнее»?! Клянусь Претемнейшей, или вдова Дориана – самая глупая женщина во всем Дорвенанте, или она жестокая лицемерная дрянь!»

– ...А она в ответ отреклась от рода, вы можете представить себе подобное? В присутствии посторонних людей, сослуживцев Дориана! Она... она даже не приехала на его похороны! А сегодня... – Высокий голос леди Ревенгар задрожал и упал почти до громкого шепота. – Я приехала, чтобы забрать ее домой, после такого потрясения семья должна держаться вместе, вы же согласны со мной? Я встретила ее около часа назад, сказала – пусть собирается, мы с братом ждем ее дома, а она... Только подумайте, она заявила, что не знает меня! Что ее братья рядом с ней, и ей незачем никуда ехать – она и так дома! Представляете?! А эти... – Гвенивер Ревенгар осеклась, словно едва не выругавшись. – Юные лорды Аранвен и Эддерли ее поддержали! Сказали – я обозналась... Лорд Аранвен сказал... – Она прикрыла глаза и повторила изменившимся голосом, словно читая по памяти затверженные стихи: – Сказал, что Вороны мэтра Бастельеро – одна семья. Что если их сестра утверждает, что я ошиблась, так оно и есть. И что у милой Айлин девять братьев, и все они – в Академии...

«Вороны Бастельеро? – приятно поразился Грегор. – Однако!» От Аранвена он подобного точно не ожидал, это не восторженный Саймон Эддерли.

Заморгав и промокнув глаза в третий раз, леди глубоко вдохнула и коснулась кончиками пальцев рукава белой мантии разумника.

– Господин... Дункан, прошу вас, помогите мне! Вы ведь магистр, вы наверняка можете повлиять на лорда Эддерли... убедить его! Академия пагубно влияет на мою дочь, вы ведь сами видите. У меня нет других знакомых магов, к которым я могла бы обратиться! Что, если лорд Эддерли мне откажет?!

«Забрать домой? Ревенгар?! И изводить ее придирками и упреками?! Ну уж нет! Что бы тобой ни двигало, я не дам превратить девочку в бледную тень идеального братца!» – подумал Грегор, едва сдерживая ледяное бешенство и стараясь не думать, что же он сделает, если разумник согласится помочь этой курице, а Эддерли позволит ей увезти девочку из Академии.

– Я понимаю ваше состояние, леди Ревенгар, – успокаивающе проговорил Роверстан, словно бы не обратив внимания ни на внезапную фамильярность вдовы, ни на коснувшиеся его рукава дрожащие пальцы. – И с радостью помог бы вам всем, что в моих силах, но...

– Но?! – вскинулась леди Ревенгар, уставившись на разумника с надеждой.

– Но ваша дочь – некромантка и боевичка, – с мягкой вескостью напомнил Роверстан. – И магесса изрядной силы, поверьте! Кроме того, девочка недавно пережила большое горе, а

это крайне плохо сказывается на самоконтроле мага! В Академии она постоянно находится под присмотром и не причинит вреда ни себе, ни другим. Если же вы ее увезете... Пожар – самое малое, что может грозить вашему дому! Один случайный выплеск – и девочка, сама того не желая, поднимет мертвые. Уверяю вас, обычно они вовсе не так милы и дружелюбны, как ее пес! А если она призовет к дому банши? Я не говорю уже о смертельных проклятиях...

«Что он несет? – поразился Грегор, глядя на абсолютно серьезное, искренне озабоченное лицо белого магистра. – Уж не повредился ли милорд разумник рассудком? Да ни один некромант не способен призвать банши, а уж проклинать Ревенгар научится, дай Претемная, если только к пятому-шестому курсу. У девчонки к этому сущий антиталант, у нее и простейшая-то порча получается с трудом и через два раза на третий!»

На лице леди Гвенивер между тем отразился настоящий ужас – она даже побледнела и уставилась на разумника умоляюще.

– Но что же мне, в таком случае, делать?! – вырвалось у нее так отчаянно, что в иной ситуации Грегор, пожалуй, посочувствовал бы несчастной женщине. – Я не могу подвергнуть моего мальчика такой опасности, а оставить Айлин здесь тоже не могу. Вы ведь сами видите, ее поведение совершенно непристойно!

– Обычно, если родители не готовы обучать ребенка в Академии, они нанимают мага, чтобы тот контролировал выплески силы и учил на дому, – задумчиво откликнулся разумник. – Но в вашем случае, леди Ревенгар, это едва ли возможно. Во-первых, вам понадобятся сразу два мага немалой силы. Во-вторых, они должны будут поселиться в вашем доме. Возможно, вам и удастся найти таких учителей для дочери, но как скоро? С вашего позволения, леди Гвенивер, самое разумное – это оставить девочку в Академии, где она не навредит ни себе, ни вам с сыном...

Гвенивер Ревенгар явно заколебалась. То ли испугалась мертвый, то ли ей претила сама мысль о том, чтобы поселить в доме двоих посторонних магов. Какая, впрочем, разница?

– Но... – нерешительно начала она. – Но ведь ее репутация – честь всей семьи! Что, если Айлин нас опозорит?

– Насколько я успел заметить, – возразил Роверстан с оттенком еле заметного неодобрения в голосе. – Адептка Ревенгар прекрасно воспитана и исключительно благоразумна для своего возраста. Кроме того, если вы пожелаете, я готов лично присматривать за вашей дочерью, миледи.

– Вы и в самом деле присмотрите за ней? – быстро уточнила леди Гвенивер. – О, дорогой господин Роверстан, вы даже не представляете, как я... нет, как мы с Артуром вам признательны! Вы меня просто спасаете! Как я могу вас отблагодарить?

– Не стоит благодарности, миледи, мне будет приятно оказать вам услугу, – учтиво откликнулся разумник. – Жаль прерывать нашу беседу, но мне и в самом деле пора. Прошу простить, дела гильдии...

– О, разумеется! До встречи, господин Роверстан, – вынужденно попрощалась Гвенивер Ревенгар, и разумник, коротко поклонившись, направился к башне.

Грегор, с трудом дождавшись, пока леди покинет малый холл, поспешил за ним, но догнать смог только на третьем пролете лестницы – слишком уж большая фора была у Роверстана!

– Доброго дня, милорд магистр, – сухо поприветствовал он разумника. – Не объясните ли, что за чушь вы несете насчет банши и смертельных проклятий?

– Доброе утро и вам... мэтр, – холодно улыбнулся Роверстан. – Вижу, вы совершенно случайно услышали наш разговор? Что ж, извольте: эту, как вы изволили выразиться, чушь я нес, чтобы выбить из головы леди всякую мысль о том, чтобы забрать адептку Ревенгар из Академии. Как видите, у меня это получилось. Чем больше леди Ревенгар будет бояться дочь, тем лучше для девочки.

– Неужели вы не верите, что вдова Дориана искренне хочет примириться с дочерью? – язвительно уточнил Грегор.

Черные глаза разумника заледенели.

– Я верю в то, мэтр Бастельеро, – процедил Роверстан, глядя на него, как на крысу, нагло выбежавшую на самое видное место Архивов. – Что леди Ревенгар искренна в каждом порыве души. И в то, что завтра она возненавидит дочь с той же искренностью. И в то, что она запрет девочку дома до ее, скажем, пятнадцати лет, а затем убедит нового главу рода как можно скорее выдать сестру замуж – искренне заботясь о ее благе, разумеется. Вам, в отличие от меня, выпала удача не знать леди Гвенивер в юности, так прислушайтесь же хоть раз к человеку, который знает, о чем говорит! Смею надеяться, я удовлетворил ваше любопытство?

Грегор, ошеломленный столь неожиданным выпадом, молча кивнул.

– Превосходно, – одними губами улыбнулся Роверстан. – В таком случае, мэтр, предлагаю поспешить. Не хотелось бы опоздать на Совет, мы и так потеряли много времени по милости леди Ревенгар!

* * *

– Ну проходите же, милорды, проходите! – с некоторой сварливостью изрек Великий Магистр, небрежно объединяя одним обращением и Грегора, и Роверстана, простолюдина, но магистра Гильдии, то есть лицо, приравненное по статусу к дворянину. – Вы заставляете себя ждать!

– Приносим самые искренние извинения, – очень учтиво отозвался Роверстан, а Грегор молча поклонился, понимая, что Архимаг явно не в духе и раздражать его еще сильнее ненужными оправданиями не стоит.

– Присаживайтесь, – поморщился Великий Магистр.

Грегор посмотрел на стол заседаний и увидел два свободных места – похоже, сегодня его допустили в избранное общество Совета! Правда, сидеть ему придется рядом с Роверстаном. Но стоит поторопиться, чтобы вторым соседом оказался Эддерли, а не Волански!

Он поспешно сел рядом с Фиолетовым магистром, и Роверстан занял последнее свободное место, покосившись в сторону сидевшего на конце стола иллюзорника с едва уловимой настороженностью. В чем-то Грегор, вспоминая прошлый Совет, его понимал: сегодня перед Волански стоял кувшин с дымящимся шамьетом.

– Этьен, мальчик мой, – сказал Великий Магистр. – Огласите причину сегодняшнего совета!

Райнгартен, видимо, исполняющий в Совете обязанности секретаря, поднялся, взял лежащий перед ним лист и зачитал с него, словно не мог сформулировать это самостоятельно:

– Его светлость Бастельеро, маг Фиолетовой гильдии, представляет на рассмотрение Совета Ордена исследование магической аномалии. По мнению лорда Бастельеро, наличие данной аномалии требует пристального внимания Ордена и немедленных действий по ее устранению. Лорд Бастельеро считает, что магические воздействия, произведенные во время недавней войны, заметно нарушили рисунок силовых потоков и структуру ткани мироздания в определенных областях Дорвенанта. Лорд Бастельеро полагает, что дальнейшее применение заклятий, в особенности порталного перемещения, приведет к критическим поражениям вышеупомянутой ткани мироздания и появлению очагов контакта с потусторонними сущностями, в просторечии именуемыми Прорывами. Посему лорд Бастельеро предлагает запретить порталные перемещения на срок в несколько лет, ограничившись только самыми необходимыми случаями.

«Почему то же самое нельзя было сказать по-человечески? – молча удивился Грегор. – В три раза короче и гораздо понятнее. Впрочем, да, это ведь Райнгартены! Эжен тоже умуд-

руется простую фразу: «Противник пошел в атаку», – облечь в три абзаца официального словоблудия».

Он покосился на противоположную сторону изогнутого дугой стола и увидел, что место Зеленого магистра занято, на нем, хмурясь то ли с непривычки, то ли от раздражения словесными экзерсисами Райнгартена, сидит мэтр Бреннан. Похоже, старого целителя все-таки уговорили возглавить гильдию! Грегор искренне порадовался – еще один разумный человек в этом сборище!

– Прекрасно, мой мальчик, – кивнул Райнгартену Великий Магистр и обвел совет внимательным тяжелым взглядом. – Кто хочет высказаться?

– Позвольте мне? – уточнил магистр Кристоф и, получив поощрительный кивок Кастельмаро, развел руками. – Признаться, я не понимаю, что именно так обеспокоило нашего юного коллегу. Предположим, дела обстоят именно так, как он говорит. Предположим даже, Прорыв и в самом деле произойдет. Что с того? Это будет не первый Прорыв даже на моей памяти! У нас, хвала Семерым, хватает стихийников, чтобы запечатать порталы, и вполне достаточно боевиков, чтобы перебить выбравшихся в мир демонов...

«Проклятье, Кристоф, что вы несете! – вскипел про себя Грегор, изо всех сил сдерживаясь. – Кто спорит, ваши воспитанники – лучшее оружие Дорвенанта, но лишь последний болван станет лупить по рапире булыжником только потому, что она прочна! Зачем подставлять боевиков под удар, если в этом нет никакой необходимости? Вы хоть представляете, о каком количестве жизней пойдет речь, не сумеи мы предотвратить Прорывы? Или вы просто настолько не доверяете моим суждениям?!»

– Благодарю, магистр Кристоф, мы вас поняли, – спокойно кивнул Кастельмаро и взглянул на Синего магистра. – Магистр Адальред? Дело касается непосредственно вас, порталное перемещение полностью в ведении Синей гильдии. Что скажете?

– Я против, – буркнул артефактор, взглянув на Грегора с явной неприязнью. – Не сомневаюсь в компетентности мэтра в области некромантии, но в стихийной магии, насколько мне известно, он не силен. Оплата работы порталов составляет едва ли не треть годового дохода Ордена, и лишиться такого источника поступлений только потому, что мэтр Бастельеро чего-то испугался, мы не можем!

– Мы поняли вас, магистр Адальред. Магистр Эддерли? Речь идет о предложении вашего ученика, что скажете?

«Ну же, Эддерли! Ведь в вас куда больше здравого смысла, чем в любом представителе этого Совета, вы должны, обязаны понять, что речь идет о жизни и смерти!» – подумал Грегор, сжимая под столом кулаки.

Боковым зрением заметив движение слева, он скосил глаза: Волански неторопливо налил в кружку шамьет, осторожно попробовал, скривился, видимо, обжегшись, и поставил кружку на стол – прямо перед Роверстаном.

Тот еле заметно поморщился и посмотрел на иллюзорника неодобрительно. Не успел Грегор с легким злорадством подумать, что пятна от шамьета на белой мантии будут смотреться еще выразительнее, чем от вишни, как Роверстан сделал едва уловимое движение кистью – и дымящаяся кружка, скользя по столу, оказалась прямо перед Грегором.

«Р-разумник!» – раздраженно подумал Грегор, и тут наконец заговорил Эддерли.

– Я поддержал бы моего ученика, – осторожно произнес Фиолетовый магистр. – Будь от моей поддержки какая-то польза. К сожалению, я не разбираюсь ни в порталных перемещениях, ни в магических аномалиях, за исключением некротических. Поэтому пока воздержусь от комментариев.

«И присоединюсь к мнению большинства, которое, разумеется, провалит такой убыточный проект!» – со злобной досадой подумал Грегор и мстительно отодвинул кружку с шамьетом в сторону Эддерли.

– Я против, – резко бросила Уинн, не дожидаясь позволения говорить. – Магистр Адальред прав. С каждым годом у нас все больше адептов, неспособных заплатить за обучение, и мы не можем позволить себе лишиться дохода от порталов. Или же нам следует пересмотреть правила приема в Академию...

Кастельмаро бросил на алхимичку быстрый взгляд из-под косматых бровей, и она умолкла так резко, словно подавилась.

– Эта тема, если нам и придется ее поднять, предназначается для отдельного совета, магистр Уинн, – негромко изрек Великий магистр, и Уинн, кажется, даже съежилась, хотя никакой угрозы в словах старого стихийника вроде бы не было. – Сейчас мы говорим только о докладе мэтра Бастельеро, и ваша позиция нам предельно ясна. Итак, трое магистров против, лорд Эддерли воздержался... Этьен, мальчик мой, вам слово.

– Только прошу милорда Райнгартена вернуть мне шамьет, – проворчал Волански негромко, но так отчетливо, что услышали все присутствующие и дружно посмотрели на стол.

Злополучная кружка и в самом деле стояла перед изрядно озадаченным подобным оборотом Райнгартеном.

– Да-да, конечно! – спохватился стихийник и, изящно манипулируя силовым потоком, передвинул ее обратно по столу к Эддерли, затем к Грегору, к Роверстану и, наконец, к Волански.

Иллюзорник, завладев потерей, хмыкнул и отпил шамьета. К удивлению Грегора, на столь бесцеремонное нарушение регламента никто из магистров не откликнулся. Разве что Кастельмаро, тихонько хмыкнув, поинтересовался:

– Позвольте спросить, Волански, к чему этот балаган с кружкой?

– Никакого балагана, милорд Великий магистр, – откликнулся Волански, мечтательно глядя на Кастельмаро одним глазом. Второй был устремлен в дальний угол зала. – Я всего лишь хотел немного остудить шамьет! Между милордами Бастельеро и Роверстаном такая чудесно прохладная атмосфера! Совершенно не понимаю, зачем они унесли мою кружку...

Уинн презрительно фыркнула, Кастельмаро снова усмехнулся и кивнул Райнгартену.

– Мы слушаем вас, мой мальчик!

– Лорд Бастельеро, несомненно, сильный маг, – осторожно сказал Райнгартен и покопился на Грегора. – Однако я, как и милорд магистр Адальред, считаю его тревогу необоснованной. Я внимательнейшим образом изучил доклад мэтра, – он чуть поклонился в сторону Грегора, – произвел собственные расчеты и не обнаружил настолько серьезных изменений в энергетических потоках. Ткань мироздания в Озерном крае и впрямь сильно истощена, здесь мэтр Бастельеро совершенно прав, однако я ответственно заявляю: для самовосстановления структуры мира более чем достаточно не использовать в тех местах боевую магию. Учитывая, что война, благодаря мэтру Бастельеро, наконец-то окончена, выполнить это условие нетрудно.

«Это конец, – с отчетливой обреченностью понял Грегор. – После такого заключения стихийника против меня проголосует даже Эддерли. Что бы ни сказали остальные трое, хотя уж они-то понимают в этом вопросе еще меньше Кристофа. Проклятье! Ну почему, почему никто и никогда не слушает предупреждений, пока не становится поздно?!»

– Благодарю, мой мальчик, – улыбнулся Кастельмаро Райнгартену едва ли не отечески. – Кто-нибудь еще хочет высказаться или приступим к голосованию?

– С вашего позволения, мне есть что сказать, – веско уронил Роверстан, и Грегор едва не заскрипел зубами.

Еще раз выслушать, как он ничего не понимает в стихийной магии, да еще от этого разумника! Видит Претемнейшая, это уже слишком!

– Возможно, только возможно, – спокойно продолжил Белый магистр, неторопливо обводя взглядом присутствующих, – уважаемый мэтр Бастельеро и в самом деле ошибается. Хотя я, в отличие от магистра Райнгартена, склонен согласиться, что опасность более чем

реальна. Так как я – опять же в отличие от магистра Райнгартена – во время вакаций отправился в Озерный Край лично, чтобы осмотреться на местности. Изменения в ткани мира столь сильны, что это почувствовал даже я, и уж тем более почувствовали бы вы, дорогой Этьен! Если бы сочли нужным немного попутешествовать, – добавил он, тонко улыбнувшись онемевшему от неожиданности Райнгартену. – Однако верно и то, что полный запрет порталов действительно не лучшим образом скажется на финансировании Академии. Мое предложение: не запретить полностью, но ограничить платное использование порталов и указать членам Ордена на необходимость крайне осторожного их использования. Скажем, на... Мэтр Бастельеро, за сколько времени, по вашим расчетам, должна была восстановиться энергетическая структура при полном запрете порталных перемещений?

– Три-пять лет, – выдохнул Грегор, не в силах поверить своим ушам.

Роверстан его поддерживает? Его, старого противника? Он действительно настолько благоразумен или просто играет в очередную сложную интригу? Вот и Райнгартен смотрит на разумника с плохо скрытым изумлением и недовольством, явно не ожидая подобного удара! Между прочим, сам подставился, не сочтя нужным навестить место, о котором идет речь. Теперь слова Роверстана, увидевшего все своими глазами, имеют совсем другой вес. Грегор вспомнил признанный символ Белого факультета – змея, кусающего собственный хвост. Претемная Госпожа, как же не хочется быть благодарным этой хитроумной разумнической твари! Второй раз за день, если вспомнить Гвенивер Ревенгар!

– Благодарю, – кивнул Роверстан и продолжил: – Ограничить, скажем, на десять лет. Прибыль Синей Гильдии, несомненно, снизится, но не иссякнет совсем, а вероятная угроза будет ликвидирована. Если же кто-то считает, что все обойдется и так, хочу напомнить, что упавший с крыши Академии маг имеет весьма высокую вероятность не свернуть себе шею. Однако я не помню, чтобы кто-то из присутствующих прыгал оттуда, чтобы проверить эту вероятность!

– Поддерживаю магистра Роверстана! – быстро сказал Бреннан и поспешно пояснил: – Любой целитель скажет, что лучше побережься и предупредить болезнь, чем лечить ее! Смею думать, что к Прорывам это относится в полной мере?

– Поддерживаю магистров Роверстана и Бреннана, – откликнулся передумавший воздерживаться Эддерли.

– Поддерживаю, – закивал Волански, а Кристоф развел руками, сказав:

– Что ж, если взглянуть на предложение мэтра Бастельеро таким образом, то его определенно стоит поддержать. В конце концов, для боевиков найдется и другая практика!

– Согласен, – благодушно подвел итог Великий магистр. – Пятеро магистров из восьми – полагаю, результат очевиден. Совет окончен, господа, проект мэтра Бастельеро принят с небольшими исправлениями.

Глава 2. Не леди и упыри в придачу

Бледный, изжелта-серый свет луны заливал кладбище, пятнал старые склепы, увязал в голых узловатых ветвях ветел. Промерзшая земля, покрытая тонким слежавшимся слоем снега, в этом сиянии казалась отвратительно безжизненной, и тени от надгробий и склепов ложились на нее косыми полосами, подчеркивая, что людям здесь нечего делать. Живым, разумеется. Но все-таки в том, чтобы провести ночь на кладбище, нет ничего страшного! Тем более что рассвет уже вот-вот наступит!

Если бы только не ветер... Ветер то скреб ветличьими лапами по склепам, и камни противно скрипели и хрустели, как чьи-то кости под чьими-то зубами, то завывал где-то в отдалении, прикидываясь хищной стаей. Ну и... ну и подумаешь! Пусть простолюдины страдают суевериями, а настоящие дворяне ветра не боятся, вот! И дрожат только от холода!

Аластор поехал, завернулся в плащ еще плотнее и тоскливо посмотрел на небо. Луна нагло торчала над самым высоким склепом и всем видом намекала, что на рассвет надеяться не стоит – еще и полночь не миновала. Издевается! Точно издевается!

И зачем ему понадобилось это дурацкое пари? Оскорбился он, видишь ли, поспорил аж с четырьмя юными лордами, что просидит до рассвета на беспокойном кладбище! Добро, если бы кладбище и в самом деле оказалось беспокойным! Вот если бы прямо сейчас откуда-нибудь вылез упырь – Аластор бы ему показал! Не зря же его хвалит учитель фехтования! Да-да, если бы какой-нибудь упырь... или умертвие... или...

Хруп.

Аластор вздрогнул. От неожиданности, разумеется, только от неожиданности! Шаги? Да нет, кто может ходить по кладбищу в такое время? Смотритель?

Хруп...

Осторожно так ходить, крадучись... Зачем бы смотрителю ходить по кладбищу с подобной опаской, если он имеет полное право здесь находиться? В отличие от Аластора, кстати. Если отец узнает, что его наследник не проводит ночь дома, как положено порядочному юноше... Наверное, лучше встретиться с умертвием!

Хру-у-уп...

Да где же оно? Слева... или нет, справа! Там, где его заслоняет фамильный склеп Корсонов! Огромный, высокий, вычурной постройки, желтый, как сыр, в этом проклятом лунном свете!

Хруп-хруп-хруп.

Пальцы сами собой сомкнулись на рукояти рапиры. Оно учуяло Аластора! Точно учуяло, иначе зачем бы ему так торопиться? Бойтся, небось, что поздний ужин сбежит!

А не дождетесь, почтенная нежить, наследник лорда Вальдерона никогда не покажет врагу спину! Интересно, обрадуется ли отец, если Аластор принесет ему голову неведомой нежити для зала фамильных трофеев? Страшную, кошмарную... То есть внушающую благоговение голову, вот! С тремя рядами ядовитых клыков, покрытую шипами и с горящими красными глазами! Ох, Пресветлый, помоги справиться с таким чудовищем...

Хруп.

Неведомая нежить наконец показалась из-за склепа. Длинный черный саван еле заметно колыхался, словно чудовище плыло по воздуху. Голову нежити покрывала длинная рыжая... шерсть? Или грива? Морда была столь похожа на девичье личико, что у Аластора встали дыбом волосы. Лучше бы это был упырь! А это – обманник! Точно-точно, старая экономка в усадьбе рассказывала об этих тварях. Притворяются прекрасными девами, увлекают юношей и выгрызают им сердце! Да, именно! Вон, сжимает что-то в руке... то есть в лапе...

Что-то, похожее формой на яблоко. Да-да, надо думать об этом, как об обычном яблоке...

Обманник поднял лапу ко рту – и тишину прорезал мерзкий влажный хруст. Аластор даже задохнулся от ужаса и отвращения. На целое мгновение задохнулся! Но потом!

Существо издало какой-то странный сип, словно подавилось, подняло голову, уставилось на Аластора снизу черными провалами глаз и загробным голосом прохрипело:

– Ты что, дурак – ночью на кладбище орать?! А если бы я сюда не пришла?! Вот накликать бы упырей на свою голову!

«Если бы ты не пришла, я бы не орал!» – зло подумал Аластор и тут же осекся.

Нежить же не умеет говорить! Это всем известно! Но если это не нежить, то кто? Глядя сверху, с крыши склепа Корсонов, на рыжую шевелюру и темный саван, оказавшийся обычной теплой накидкой, он почти понял, кто может ходить ночью по кладбищу, но тут совсем рядом – и не с одной стороны, а со всех одновременно! – завывали.

Только теперь Аластор понял, что никогда не спутает голос обычной живой девчонки с тихим, вибрирующим, пронизывающим насквозь, вымораживающим нутро воем нежити. Во рту стало солоно – кажется, он невольно прокусил губу. Руки сами дернулись: зажать уши, не слышать этого воя, сжаться в комок... А может, спрыгнуть с крыши и бежать что есть духу? Не догонят! А девчонка – совершенно незнакомая...

Бежать?! Стыд и гордость накатили огненной волной, мгновенно смыв леденящий ужас. Ну нет! Вальдероны не бегают! И не бросают беззащитных девиц на растерзание упырям!

Аластор распластался на гладкой мраморной крыше животом, свесился вниз, насколько мог, чтобы не соскользнуть, – и протянул девчонке руку.

– Хватайся! Быстро!

Ее ладонь оказалась теплой. И цепкой. А девчонка – легкой и ловкой. Она так запросто вспорхнула на крышу склепа, что Аластор даже позавидовал. И впервые подумал – как же сюда забрался он сам? Высоко ведь, а стены хоть и в мраморных завитушках, но скользкие, да и руки ему никто не протягивал!

Нежить взвыла снова. Уже совсем близко. Зашевелились ветви ближайших кустов, потом совсем иначе, противно и опасно захрустел смерзшийся снег. И вокруг их убежища засветились гнилостно-зеленым огнем пять... десять... ох, Пресветлый, два десятка! – пар глаз. Темные существа, даже внешне уже не очень похожие на людей, на полусогнутых конечностях подобрались к склепу, окружили его и уставились вверх, на ускользнувшую от них добычу. Несмотря на всю омерзительность происходящего, Аластору было очень приятно осознавать, что нежить толпится внизу, а он с девчонкой – здесь, на крыше.

Он покосился на девчонку – та разглядывала упырей без малейшего страха, скорее, с таким озабоченным интересом. Ее рыжая макушка доставала ему всего по плечо, и Аластор тут же окончательно успокоился: если толпу нежити не боится девочка гораздо младше него, то ему и подавно не стоит! Он же мужчина! И рапира у него есть... Хорошая рапира, надежная, из лучшей фраганской стали!

Подумав, Аластор снял плащ, расстелил на крыше и похлопал по нему ладонью.

– Садитесь, миледи, – предложил он.

Девочка бросила на него благодарный взгляд и села, Аластор со всей возможной вежливостью опустился рядом, тщательно следя, чтобы не задеть ее локтем. Жаль, нет еще одного плаща, чтобы накинуть девице на плечи. Ее накидка хоть и плотная, но выглядит не очень теплой, а снять свою куртку и предложить ей будет слишком фамильярно, пожалуй. Да и коченеть от холода не хочется – какой из него тогда получится боец?

– Благодарю, милорд?..

Девочка, а ей ведь не больше двенадцати-тринадцати лет, совершенно спокойно покосилась на него, словно не видела ничего неприличного или опасного в присутствии незнакомого юноши рядом. Впрочем, они ведь сейчас познакомятся? Аластор впервые подумал, что свод правил этикета, выученный им полностью, не дает рекомендаций на любой случай. В нем

точно не написано, как представиться незнакомке, встреченной в полнолуние на кладбище, если рядом с вами не родители или другие достойные люди, а толпа нежити.

– Аластор, младший лорд Вальдерон, – откликнулся он, приподнимаясь и изображая поклон. – Прошу прощения за странные обстоятельства нашей встречи. Вы позволите узнать ваше имя?

– Айлин, – улыбнулась девочка.

Улыбка у нее оказалась очень милая. Словно не только губы улыбаются, но и глаза, и каждая веснушка по отдельности. Личико в форме сердца, как его рисовали сестры Аластора в альбомах, будто осветилось изнутри, и стало ясно, что глаза у девочки то ли синие, то ли зеленые, при лунном свете не разобрать, но очень яркие, блестящие и чуточку лукавые. И на щеках – ямочки. Аластору тут же захотелось улыбнуться самому. И как можно было принять ее за обманника?

– Айлин... а дальше?

– Просто Айлин! – отрезала она, разом перестав улыбаться, и, подумав, добавила: – И я не леди, так что можно на «ты». Хочешь яблоко?

– Хочу, – согласился Аластор, решив не настаивать.

В конце концов, если леди желает сохранить инкогнито, долг дворянина – подчиниться. И вообще, он сам про нее все узнает! Не может она оказаться простолюдинкой! Что он, девиц из низших сословий не видел? У нее осанка сразу выдает благородную кровь. И манеры. И храбрость! Да и вообще, ни одной не дворянке в голову не придет звать дворянина «на ты», а он ведь ей представился по всем правилам.

Яблоко, точнее, сразу два, она вытащила из поясной сумки. Именно такие, как любил Аластор. Крупные, крепкие, с тонкой кожицей, ароматные! Одно протянула ему.

– Благодарю, – пробормотал Ал и откусил кусочек – сок так и брызнул во все стороны.

На языке вертелось множество вопросов, и выбрать, какой же задать первым, было не так-то просто, но яблоко весьма помогало думать. Во всяком случае, уже на третьем кусочке Аластор решился.

– Айлин, что ты делаешь одна на кладбище, да еще и ночью? Если это не секрет...

– Работаю, – беззаботно откликнулась она, подумала и поправилась: – То есть собиралась работать, а тут эти упыри... Интересно, откуда их столько взялось?

– Работаешь? – пораженно переспросил Аластор – Зачем? И как?..

Происходящее запахло безумным, но увлекательным сном. Ладно еще упыри, в конце концов, на кладбище в полнолуние даже положено быть упырям, но юная леди, которая работает?! Это, воля ваша, гораздо невозможнее любых упырей!

Разве она не может просто попросить денег у родителей? Или ее род разорен? А может быть, она сбежала от семьи? Может, ее принуждали к помолвке с каким-нибудь отвратительным старым... купцом? Нет, это уж слишком, ни один дворянин до такого урона семейной чести не опустится. Значит, с аристократом! Богатым, но старым и отвратительным, и она вынуждена...

Вот поэтому она и скрывает родовое имя! Зачем бы еще ей это делать?

Леди... то есть, конечно, просто Айлин, вспыхнула и закусила губу.

– Ну... понимаешь, иногда маги... и не только маги, а кто угодно, перед смертью делают разные захоронки... Чаще всего в фамильных склепах. Или просто на кладбище. Сюда ведь мало кто ходит, обычные люди боятся таких мест и правильно делают. А я... я узнала... то есть мне случайно рассказали про такой клад. Его спрятал один человек, а потом его убили. У него даже наследников не осталось. Иначе я бы не стала брать чужое, честное слово! Вот. И я подумала, что ему в Садах Претемной этот тайник уже точно ни к чему. А я... мне очень нужны деньги...

Она опустила взгляд и вздохнула как-то очень по-взрослому.

Аластор хотел было переспросить – и почти тут же понял, о чем она. Понимание оглушило. Не то чтобы подобные вещи запрещались законом (если, конечно, нашедший клад не забывал отдать королю положенную долю!) – просто мало кто на это решался. Днем на кладбищах бываетлюдно, а ночью... Если вдуматься, упыри – это еще не самое опасное, что может поджидать незадачливого кладоискателя! Можно наткнуться на умертвие, а оно пострашнее хищного, но неразумного упыря. Или на неупокоенную душу какого-нибудь безумного мага. На банши, обманника, кровопийцу-стригоя... Так что если кто на такое и отваживался, то разве что в крайнем отчаянии или перебрав чего-нибудь горячительного. И даже тогда – не в одиночку!

А уж так, без защиты и помощи... Аластор вспомнил виденное пару лет назад тело неведучего кладоискателя, деревенского парня из их земель, решившего жениться на дочке местного старосты, а для этого – непременно отыскать клад, зарытый, по местной легенде, как раз на кладбище, у могилы старого мага-целителя... Аластору потом не меньше месяца снились кошмары.

А эта девочка... Да она ведь еще совсем маленькая! И вообще, неужели она добралась сюда по ночному городу, а потом пойдет домой?! Одна! По улицам, где ее могут...

Он сглотнул вязкую, загорчившую вдруг слюну. Сочувствие и восхищение чужой отвагой переплелись и спутались в клубок – такой, какие он не раз видел в матушкиной корзине для рукоделия, только колючий – и застряли в горле, мешая вдохнуть. Он сглотнул еще раз, потом еще.

Каких-нибудь полчаса назад Аластор был твердо уверен, что больше не пойдет ни на какое кладбище. Во всяком случае, ночью. Но не теперь. Неважно, какого она рода и для чего ей нужны деньги. Уж точно не на всякие девичьи глупости, как Мэнди и Лоррейн. Ради кружев и сережек встречей с упырями не рискуют. И если так...

– Знаешь, я мог бы... то есть хочу... Я хочу тебе помочь. Если ты не против.

Айлин заморгала. Уставилась на него в упор – недоверчиво и настороженно, Аластор успел уже подумать: «Не согласится!» – но она вдруг просияла.

– Ты серьезно? Спасибо тебе, ты не представляешь, какое огромное спасибо! Копать вдвоем быстрее! И веселее. Все, что найдем, – поделим, ты не думай...

«Не нужно ничего делить!» – хотел было сказать Аластор, но вдруг понял, что обидит Айлин. Она предложила от души! А мысль о том, чтобы самому заработать денег, показалась вдруг необычайно привлекательной. В конце концов, кто из этих столичных юношей умеет зарабатывать? И не азартными играми, а настоящей работой? А он, Аластор, сможет! Нет, конечно, половину он у нее не возьмет, об этом не может быть и речи. Но вот несколько монет, просто чтобы самому поверить в это настоящее, восхитительно прекрасное приключение! А потом... потом на них же купит ей какой-нибудь подарок! Расспросит осторожно у сестер, что в этом сезоне модно у столичных девиц, и купит.

Вот только...

– Упырей бы отогнать, – вздохнул он. – Лучше, конечно, убить, но я не знаю, как убивают упырей.

Айлин снова заулыбалась широко и беззаботно. Даже махнула рукой.

– Упыри – это ерунда, Пушок с ними разберется! – И, не дожидаясь вопроса, пояснила: – Пушок – это моя собака, он сейчас проверит все кладбище и прибежит. А уж потом можно будет искать клад.

– Хорошо, подождем, – согласился Аластор, изнывая от любопытства: ну как собака может справиться с упырями? Впрочем, лучше увидеть самому! – А как ты узнаешь, где искать? Или тебе сказали точное место?

– Ну, не совсем точное... – вдруг отчего-то смутилась Айлин и очень старательно принялась разглядывать толпящуюся внизу нежить. – Я знаю, что клад спрятан в склепе Корсонов. В

этом самом, на котором мы сидим! А тот, кто мне рассказал... Он думал, это просто история! Ох, наверное, если он узнает, что я пошла сюда... Боюсь, он разозлится. А может, и нет, он ведь сам уже призрак, а они совсем иначе смотрят на мир.

– Призрак? Что, прости?

– Призрак! Штатный призрак Фиолетового факультета!

Аластор моргнул. Внимательнее осмотрел девочку, подмечая все, почему-то незамеченное раньше: строгое кольцо с каким-то цветным камешком на руке, точно такое, как у виденных им магов, да и накидка отделана шнуром... в лунном свете разобрать его цвет не удалось, но она же сама сказала – фиолетовый!

– Так ты... некромантка? – выдохнул Аластор, замирая от ужаса и восторга.

Про некромантов говорили многое. Их опасались и уважали, как опасаются и уважают все, что связано с Претемной Госпожой. Ими восхищались, как и боевиками, ведь Красные и Фиолетовые маги – главная сила Дорвенанта!

А еще – лорд Бастельеро, герой, прогнавший фраганцев, тоже некромант! Аластор вспомнил, каким увидел его на балу, который сам король давал в честь главнокомандующего. Резкие черты лица, бледная кожа, холодные пронзительные глаза. И на черно-алом с золотом мундире – орден Льва, высшая награда, которую дают только за спасение страны!

Мэтр-командор Бастельеро выглядел как настоящий герой! И как настоящий некромант.

Айлин же совершенно не была похожа на некромантку. Не может ведь быть у некромантов веснушек и пушистых рыжих кудрей, вроде бы заплетенных в косы, но так и пытающихся выбиться из них?

– Ну да! Но я только учусь. Я еще на первом курсе, – торопливо уточнила Айлин и бросила взгляд вниз.

Аластор тоже, ругая себя за то, что совершенно забыл об упырях! Разговорился с леди и забыл об опасности, позорище!

Упыри, к сожалению, никуда не пропали. Кажется, их стало даже больше! Правда, они уже не были – молча сидели вокруг склепа и тарасились. Время от времени то один, то другой принимались царапать землю лапами, но больше никакого беспокойства не проявляли. Ну и ладно, до рассвета еще далеко. Подождем этого... Пушка!

– А как ты познакомилась с призраком? – полюбопытствовал Аластор, одним глазом посматривая на упырей – пусть не думают, что он о них забыл!

Айлин вдруг помрачнела и нахмурилась. Аластор мысленно обругал себя за бестактное любопытство и уже совсем было хотел сказать, что если ей неприятно, то отвечать не нужно, однако не успел.

– Встретилась, когда пошла в учебный склеп Академии, – явно нехотя проговорила Айлин. – По делу, ты не думай. Хотя... Если бы милорды мэтры про это узнали – я бы, наверное, неделю конюшню чистила...

* * *

Замерев у двери в склеп, Айлин настороженно осмотрелась по сторонам. Прислушалась... Нет, в коридоре не было ни души. Если дежурный мэтр-преподаватель и обходил эту часть подвалов, то или раньше, или позже – а может, он вообще спал. Все-таки уже почти три часа полночи!

Айлин невольно поежилась. Конечно, бояться в Академии нечего. Тем более в склепе. Тем более – некромантке. Просто... просто неудобно, вот. И темно. И Пушок, наверное, обиделся, что она не взяла его с собой, но уж тогда их точно кто-нибудь услышал бы! Что-что, а цоканье стальных когтей попробуй не услышать.

Она глубоко вдохнула, сунула руку в карман, нащупывая мелок, к сожалению, самый обычный, а вовсе не заговоренный. Да ладно! И такой подойдет! В конце концов, дело вовсе не в мелке, а во вложенной силе, а силы ей хватит. Должно хватить!

Дверь склепа открылась с еле слышным скрипом, хотя в тишине коридора и он едва не заставил Айлин вздрогнуть. Изнутри потянуло запахом пыли и затхлости и легкой прохладой, как в подземных ходах имения Ревенгаров. Помедлив еще секунду, Айлин шагнула через порог, и в то же мгновение дверь за ее спиной захлопнулась. С таким стуком, словно ее кто-то специально толкнул! Айлин сглотнула и щелкнула пальцами, создавая светлячка. Полноценный магический светильник ей, конечно, пока не по силам, но вот фонарик – вполне! Яркий рыжий огонек отлетел в дальний правый угол, и в склепе слегка посветлело. Достаточно, чтобы осмотреться, но совершенно недостаточно для того, зачем она пришла!

Склеп ничем не отличался от любого другого. Ну разве только тем, что располагался не на кладбище, а прямо в здании Академии, и надгробие в нем было всего одно... Айлин быстро создала еще трех светлячков, разместив их в оставшихся углах, и, прищурившись от яркого, после прежней темноты, сияния, прочитала высеченную на камне надпись: «Мэтр Киран Лоу». Судя по датам на надгробье, неведомый мэтр умер ужасно давно, больше шестидесяти лет назад! И было ему целых тридцать лет.

Айлин показала, что это имя она где-то уже слышала, но вспомнить, где именно, она не смогла. Хотя это все равно не повод быть невежливой!

– Прошу прощения, что потревожила ваш прах, почтенный мэтр, – вежливо обратилась она к надгробию. – Надеюсь, вы не в обиде за поздний визит? С вашего разрешения, я останусь здесь совсем ненадолго, а потом немедленно уйду.

Ответа Айлин, разумеется, не получила, но ей почему-то вдруг стало до странности спокойно, почти уютно! И откуда-то пришла твердая уверенность, что все получится!

Достав из кармана мелок, она опустилась на колени, подпернув подол мантии так, чтобы не запутаться и не наступить на него ненароком, и принялась старательно вычерчивать семи-лучевую звезду.

Конечно, пока ничего подобного ей не преподавали – и призыв духов должен был начаться только в этом семестре, причем весной – но Айлин сразу же после сдачи экзаменов выпросила учебники у мэтра-библиотекаря, и он дал. Даже похвалил ее за тягу к знаниям! Совсем как магистр Эддерли, когда она попросила разрешения сдать экзамены не вместе со всеми, а раньше. Все равно она осталась в Академии на весь остаток каникул, и заниматься ей ничем, кроме учебы, не хотелось.

Не хотелось и вспоминать теперь о нескрываемом сочувствии в глазах магистра, и о Саймоне с Даррой, примчавшихся сразу, как только они узнали, где Айлин. Друзья-побратимы сидели с ней молча и долго, не зажигая в комнате свеч, а потом Саймон обнял ее и сказал: «Мой брат погиб на войне, и его жена ушла вслед за ним. Я стараюсь думать, что Дилан просто уехал. Ты ведь знаешь, мы встретимся со всеми, кто нам дорог, в Садах Претемной, когда придет наше время». И Дарра так же молча кивнул. Айлин сделала вид, что ей легче, но они не понимали. Они ничего не понимали в том, что ее гложет. Только лорд Бастельеро нашел нужные слова, сказав, что она не виновата, но и ему Айлин не поверила до самого конца...

Как все-таки хорошо, что в склепе такой ровный пол... вот, звезда уже готова, и такая же аккуратная, как на картинке в учебнике! Айлин полюбовалась на нее целую минуту, а потом принялась вписывать в каждый луч звезды старинные руны. Путь, Призыв, Граница...

– Какая интересная комбинация! – раздался за спиной веселый и приятный, но такой неожиданный голос, что Айлин невольно вскочила, наступила все-таки на подол мантии, едва не упала и замерла в ужасно неустойчивой позе на одной ноге. – А в мое время adeпты не посылали Баргота в задницу к ледяным... умертвиям? Какое богатое воображение!

Выпрямившись, наконец, Айлин медленно обернулась, пытаясь придумать, как объяснить дежурному мэтру (а кому же еще?!), что она делает в склепе среди ночи. И снова замерла. Мэтра, остановившегося у нее за спиной и разглядывающего звезду вызова с явным восторгом, она не знала.

По Академии сегодня дежурил уже совсем пожилой, невысокий и седой мэтр Лорис из Голубой Гильдии, а этот маг был очень, очень высок, худощав и ярко, пронзительно рыж! Почти так же, как и сама Айлин. Волосы у него были острижены совсем коротко, – выше ушей! – и торчали во все стороны. Кончик тонкого острого носа подергивался, будто мужчина принюхивался, карие глаза искрились весельем, а плутовской улыбкой и вообще всем лицом мэтр отчаянно напоминал Лиса-Хитролиса из сказки.

Тут Айлин сообразила, что ведет себя невежливо – стоит и нагло рассматривает незнакомого преподавателя! Она потупилась и торопливо поклонилась.

– Здравствуйте, мэтр!

Незнакомец оторвался от звезды и уставился на нее с таким изумлением, как будто с ним дверь заговорила! А потом протянул руку и ткнул Айлин пальцем прямо в живот! Палец прошел насквозь, и тут-то она наконец сообразила, почему не слышала ни шагов, ни дыхания. Просто-напросто мэтр – призрак! Как замечательно! Значит, она точно может призывать духов! И призовет, вот только... только дочертит руны. Ой, интересно, а почему мэтр сказал про Баргота и умертвий?

Нужно спросить!

– Ты... ты что, меня видишь? – уточнил призрак недоверчиво, не дав ей и рта раскрыть.

– Конечно, я вас вижу, мэтр, – вежливо согласилась она, гадая, кто же это такой?

Ой, вот глупая! Наверное, это мэтр Лоу, раз он здесь похоронен?

– Не может быть! – решительно объявил призрак и облетел Айлин кругом. – Я же не являлся! С ума сойти, я думал, такого не бывает... И давно это у тебя? Давно ты видишь призраков? Как тебя зовут и сколько тебе лет? Кто тебя учит? И кого ты собираешься призвать? Ах да, учтивости ради, я Киран Лоу. К вашим услугам, миледи, и все такое. Но ты можешь звать меня просто мэтр Киран.

Он запустил руку в волосы и растрепал их окончательно. Выглядело это так забавно, что в любой другой момент Айлин бы, наверное, не удержалась от смеха, но сейчас... сейчас...

Она заморгала, надеясь унять жжение в глазах, с трудом сглотнула и вытолкнула сквозь подступивший к горлу ком:

– Адептка Айлин Ревенгар, к вашим услугам, милорд. Я хотела... то есть хочу... Мне очень нужно увидеть отца! – Лицо призрака удивленно вытянулось, и Айлин, опасаясь, что ее прогонят или позовут дежурного, торопливо выпалила: – Пожалуйста, мэтр! Мне... я только хочу с ним попрощаться! Он погиб, а я не смогла приехать на его похороны! Я только попрощаюсь и сразу уйду...

Призрак возмущенно замахал руками.

– Вот девчонки! С чего ты такое обо мне думаешь?! Я вовсе не собирался тебя прогонять! Оставайся сколько хочешь и приходи еще, одному в этом склепе так тоскливо! Сюда же редко приходят, разве что когда адепты учатся вызывать призраков. Между прочим, ты первая, кто со мной поздоровался, разрешения спросил... Я помочь тебе хочу, а вовсе не гнать!

– Помочь? – осторожно переспросила Айлин, от удивления сразу поверив. – А... в чем?

– Ты неправильно начертила руны, – объяснил мэтр Киран и, взглянув на ее наверняка растерянное лицо, объяснил: – Древние руны пишутся не слева направо, а справа налево. Вам их еще не преподают, да?

Айлин залилась краской. Ох, какая же она самоуверенная дура! Решила, что сама разберется, и вот, пожалуйста... если бы не мэтр Киран... Но как же теперь призвать отца?

– А зачем? – мягко спросил мэтр и, присев на корточки, заглянул ей в глаза.

Айлин пораженно заморгала и поспешила объяснить. Как это – зачем? Но ведь... нужно же попроситься, разве нет? Сказать отцу, что она его любит и сделает все, чтобы он ей гордился...

Призрак тихо хмыкнул и покачал головой.

– Уж это он знает и так. Мы это чувствуем. Совсем не так, как живые. Твой отец тоже тебя любит, можешь мне поверить. Но он уже ушел в Сады Претемной, а оттуда ты его не дозовешься. И знаешь, пожалуй, это к лучшему. Он точно хотел бы, чтобы ты помнила его веселым и живым! Все этого хотят, когда уходят.

Айлин хотела было засыпать мэтра десятком вопросов. Почему он решил, что отец уже в Садах? Почему мэтр Киран, так давно умерший, не ушел в Сады сам? Почему он удивился, что Айлин его увидела? Но тот протестующе вскинул ладони.

– Ну нет, мы так до утра не закончим разговор! Ты лучше приходи еще. Я тебя научу древним рунам. И призыванию. И еще чему-нибудь. Кстати, мы ведь похожи, знаешь? Я тоже был Двойной Звездой! Правда, твои искры сильнее. Придешь? Очень хочется поговорить с кем-нибудь живым, узнать новости...

Он посмотрел на Айлин с такой надеждой, что она торопливо закивала.

– Конечно, милорд мэтр! Обязательно! Только... можно, я приду с Пушком?

– С тем самым мертвецем, о котором вся Академия говорит? – оживился призрак. – Отлично! Приходите вместе! И... – Он замаялся, подбирая слова, взмахнул рукой и выпалил: – Если сможешь, принеси яблоко! Или пирожок... но яблоко лучше!

– К-конечно, милорд мэтр, – пролепетала Айлин, отчаянно гадая, кто же сошел с ума, она или мэтр Киран, не вынеся призрачного существования! – А разве призраки могут есть?

– Есть могут все, – фыркнул мэтр. – В следующий раз покажу.

* * *

– В общем, тогда выяснилось, что мой дар – видеть призраков, – закончила Айлин. – И говорить с ними, конечно. А редкость – потому что мне не нужно призывать их ритуалом, можно просто позвать. Представляешь, сколько интересного знают призраки? Мэтр Киран, к примеру, мне рассказал про этот клад. И вообще он очень много интересного знает... Ой, Пушок! Ну наконец-то! Смотри!

Заслушавшийся Аластор вздрогнул от неожиданности, взглянул вниз и вздрогнул еще раз: отсюда, с крыши, было прекрасно видно, как к столпившимся внизу упырям несется огромная белая собака... Интересно, что это за порода?

– Невийский волкодав! – гордо сообщила Айлин и, вдруг смутившись, добавила: – Бывший.

Почему бывший, Аластор не понял, а переспросить не успел: волкодав в два длинных скачка добрался до склепа и обрушился на снова взывших упырей. Как ни странно, убегать с кладбища больше не хотелось, да и вой теперь не казался страшным. Может, потому что трудно бояться, если твоих противников разгоняет одна-единственная собака? Пусть даже и огромная.

– А почему ты сама их не прогнала? – полюбопытствовал Ал, глядя, как упыри удирают, забыв о добыче.

Белый пес догнал одного, вцепился зубами в загривок, мотнул мордой... Послышался мерзкий хруст, скрип, вой нежити оборвался, и Аластор торопливо отвернулся. Пусть волкодав упыря хоть ест, но не любоваться же на это! Да-а-а, теперь понятно, почему Айлин не побоялась идти сюда ночью совершенно одна. Хотя это все равно неправильно! Если некому ее провожать, это может делать он! И обязательно будет делать. Прямо сегодня и начнет.

– Я пока не умею, – развела руками Айлин. – Я же только на первом курсе, мы еще не проходили упырей! Вот если бы умертвия, с ними у меня получается. Ну и вообще, знаешь, сколько силы нужно на такое количество! Сюда бы все некроманты столицы сбежались, и уборкой конюшни я бы точно не отделалась. Давай попробуем слезть? Упыри уже не вернутся, это точно.

«Еще бы! – мысленно согласился Аластор, уловив очередной скрежет и хруст – уже в отдалении. – Некому будет возвращаться. И хорошо! Вот только как бы теперь отсюда выбраться?»

Он вздохнул и посмотрел на обвивший стену склепа плющ. Ненадежный какой-то... Но что поделать?

Спускался Аластор долго. Намного дольше, чем залезал, это уж точно, и когда в подошвы толкнулась земля, обрадовался едва ли не больше, чем появлению Пушки. Отдышавшись, он поднял голову и улыбнулся Айлин как можно увереннее.

– Плющ крепкий! Слезай, я тебя поймаю!

Глава 3. Лев и роза

Сегодня история Ордена снова была первым уроком, и Айлин уже предвкушала очередной потрясающий рассказ магистра Роверстана. Конечно, дома ее тоже учили хроникам Дорвенанта и окрестных земель, но гораздо скучнее. Обычно наставник рассказывал Артуру про войны, которые вели древние короли, и в его лекциях было множество имен, названий и дат, которые даже Артур едва запоминал, что уж говорить про Айлин. У магистра Роверстана те же самые исторические события оживали, а про каждого из великих королей, магов и полководцев он знал какие-нибудь забавные подробности, которые незаметно и прочно закреплялись в памяти.

Ну как можно не запомнить, что король Кристиан Первый одержал три великие победы и каждую отмечал тем, что приказывал называть всех мальчиков, родившихся в этом году, Кристианами? Ох и много же королевских тезок жило в то время! Как только они между собой не путались? А королева Береника Прекрасная велела разбить все зеркала Дорвенны, когда увидела у себя первый седой волос! Когда же подросли ее дочери, закрылась в своих покоях и не выходила из них до самой смерти, никому не показывая постаревшего лица, даже приказания Королевскому Совету отдавала через закрытую дверь... Ужас, но как интересно!

Так что на лекцию Айлин примчалась одной из первых, заняла полюбившееся место в углу за последним столом и принялась раскладывать перья и тетради. Остальные первокурсники постепенно расселись впереди, а последними в аудиторию вошли Ида с Лионорой – неразлучная парочка. После случая с порчей они обе не разговаривали с Айлин, делая вид, что ее вовсе нет рядом. Даже на фехтовании Ида упросила мэтра Вильмара больше не ставить их вместе, и мэтр, пожав плечами, назначил им обоим партнеров из мальчиков, а после первого же занятия одобрительно сказал Айлин, что она явно делает успехи.

Раньше Айлин обрадовалась бы этой похвале, но теперь вид рапиры вызывал острую горькую тоску, стоило вспомнить единственный урок, который дал ей отец... Запретив себе думать об этом, она встрепенулась: в аудиторию как всегда стремительной упругой походкой вошел магистр Роверстан. Адепты подобрались, а Ида поправила смоляно-черные локоны, собранные на затылке красивой серебряной заколкой, и села ровнее.

– Доброго утра, юноши и девушки, – приветливо улыбнулся магистр, взбегая на деревянный подиум у стены и становясь за высокую кафедру. – Сегодня мы добавим в копилку ваших знаний кое-что интересное и будем надеяться, что она не переполнится.

Айлин невольно улыбнулась шутке – магистр Роверстан такой веселый и любезный! Правда, он тоже не терпит на занятиях шума и болтовни, но ведь никто из преподавателей этого не позволяет. И правильно, а то можно пропустить что-то интересное! Но вот мэтр Денвер хоть и добрый, а на его занятиях улыбаться совершенно не хочется. Не говоря уж о лорде Бастельеро...

Она поймала себя на том, что отвлеклась, и старательно прислушалась. К ее удивлению, магистр рассказывал о Дорве Великом, основателе Дорвенанта. Разве эту тему не прошли в начале года, когда Айлин не было в Академии? В любом случае, она с радостью послушает!

– Как вы, должно быть, помните, – мягко плыл по аудитории бархатный низкий голос магистра, – наш великий король Дорве происходил из знатнейшего северного рода. Не вдаваясь в тонкости титулования, мы можем назвать его вольфгардским принцем, потому что отец Дорве был всевластным повелителем обширных земель. Дорве, его третий сын, с юности отличался огромной силой, воинским дарованием и непокорным нравом, который смиряла только почтительная любовь к родителям и двум старшим братьям. Отец Дорве мудро распорядился его талантами, отправив юного принца на завоевание окрестных непокорных племен и позволив ему собрать свиту и боевой отряд по собственному вкусу. Уже тогда Дорве проявил буду-

щий гений правителя тем, что принимал в дружину лучших воинов и умелых магов независимо от их происхождения. К нему шли несправедливо обвиненные в преступлениях, осиротевшие и разоренные наследники, своевольные изгнанники и беглецы из других родов. Дорве принимал всех, одаряя их своей защитой и требуя взамен верности, так что вскоре войско его выросло и стало грозной силой...

Айлин вспомнила портрет великого короля, виденный в книге, и подумала, что Дорве чем-то похож на магистра Роверстана. Самую малость! Конечно, у предка всех Дорвеннов были светлые волосы и голубые глаза, которые он передал своим потомкам, но рост и стать... Плечи у магистра точно такой же ширины, а лицо – мужественное и доброе, в точности как у Дорве на картине. И борода такая же, только черная, а кожа смуглая, будто у арлезийца или итлийца... Ох, нехорошо так думать, неприлично. Конечно, ей это только кажется, мало ли на свете рослых широкоплечих людей, вот и нос у магистра совсем не дорвенантский, а с горбинкой, словно клюв у хищной птицы...

– Когда Дорве вернулся домой после многочисленных побед, многие стали завидовать ему и нашептывать королю, что младший принц слишком горд и замыслил отобрать престол у своего брата, наследника трона. Его людей обвиняли в непочтительности и буйном поведении, а когда Дорве заступался за них, соблюдая долг сюзерена перед вассалами, это ставили ему в вину. Наконец, на пиру по случаю помолвки его старшего брата вспыхнула ссора...

Голос магистра уносил Айлин куда-то далеко, и она будто собственными глазами видела то, о чем рассказывает Роверстан. Вот суровые северные воины, высокие и широкоплечие, сидят за длинным столом прямо в кольчугах и с топорами за спиной. Они едят огромные куски жареного мяса, пьют вино из больших кубков, смеются и спорят между собой...

– Брат принца Дорве, старший сын вольфгардского короля, собирался жениться на прекрасной знатной девушке, – продолжал магистр, и в аудитории стало тихо, словно адепты забыли, как дышать. – Она была известна не только своей красотой, но и умом, и добродетельным поведением, и все знали, что сердце Дорве тоскует по невесте его брата. Один из людей Дорве, перебрав хмельного, сказал, что по вольфгардским обычаям девушка должна принадлежать тому, у кого больше чести и славы, а это, конечно, Дорве. Ведь он мечом расширял пределы королевства, пока наследник отсиживался дома. Среднего принца возмутили эти дерзкие речи, а поскольку он был магом, то бросил в говорившего смертельное заклятие, сказав, что столь наглый рот следует засыпать могильной землей. Воин Дорве упал замертво, и тогда уже возроптали его соратники, а Дорве воскликнул, что давал клятву защищать каждого из своих людей, и эта клятва превыше голоса крови и почтения к старшим. Он выхватил меч и поразил своего брата, не ожидавшего удара!

Магистр Роверстан помолчал, оглядывая замерших адептов, и мягко сказал:

– Так великий королевский род был погублен гордостью и неводержанностью. Запомните этот урок, юные господа адепты, будущие могущественные маги. За совершенное преступление Дорве был изгнан из земель своего отца, и вместе с ним ушли все его люди, отборное войско, державшее в страхе врагов королевства. Сердце старого короля не выдержало потери сразу двоих сыновей, и вскоре он умер, а его наследник остался без помощи обоих братьев и погиб в битве. Земли его были захвачены и поделены между победителями, так что от былой славы рода ничего не осталось.

– А как же принцесса? – пискнула Лионора, чуть ли не впервые на памяти Айлин подав голос.

– Невеста старшего сына объявила, что хоть и невольно, однако тоже виновна в этом раздоре. Она последовала за принцем Дорве в изгнание, став его женой, верной помощницей и ближайшим советником, – сказал магистр, и по аудитории прокатилась волна шепотков. – Кто из вас может назвать ее имя?

Первокурсники недоуменно переглядывались, и даже Айлин, к своему стыду, поняла, что не может ответить. Легенду о принце Дорве она, конечно, знала, но его невесту книги называли не по имени, а Лебединой девой. Лебединой? Лебедь! В памяти вспыхнула красивая эмалевая пряжка, которой Дарра застегивает зимний плащ. Белый лебедь на серебре. Она же знает, чей это герб!

– Аранвен? – сказала она тихонько, вовсе не желая привлекать внимание, но магистр улыбнулся и кивнул ей с кафедры, а Ида, метнув в Айлин раздраженный взгляд, так же тихо фыркнула.

– Совершенно верно, адептка Ревенгар, – подтвердил магистр Роверстан. – Это была леди Аран, прозванная Лебединой девой, и их с Дорве старший сын стал наследником королевского рода Дорвеннов, а младший основал славный род Аранвен. А кто может рассказать, как появились Три дюжины знатнейших семей Дорвенанта, опора королевской семьи?

Это Айлин, разумеется, тоже знала, еще бы ей не была известна история происхождения Ревенгаров! Но она плотнее сжала губы и решила помолчать: пусть отвечают другие. Кайлан Саграсс, ее нынешний напарник по фехтованию, поднял руку и, дождавшись одобрительного кивка магистра, выпалил в точности по учебнику:

– Три Дюжины – это ближайшие сподвижники Дорве Великого. Они пришли вместе с ним из Вольфгарда, преодолев немыслимые опасности, и остались ему верны во всех испытаниях. За это Семеро Благих даровали им искру магии, и теперь в семьях Трех Дюжин рождается больше всего одаренных детей.

– Вы совершенно правы, Кайлан, – снова кивнул магистр, знающий каждого адепта не только по родовому имени, но и по личному, как давно подметила Айлин. – Из всех человеческих добродетелей Благие боги превыше всего ценят верность, будь это любовь, дружба или служение монарху. Три дюжины самых верных воинов Дорве стали первыми дворянами нового королевства и могущественными магами. Остальные дворяне Дорвенанта либо получили титул позже за другие заслуги, либо их предки приехали в Дорвенант из иных земель. Но мы здесь, в Ордене, все братья и сестры независимо от благородства крови. Не так ли?

Адепты решительно закивали, а Айлин не могла не подумать, что без таких сестер, как Ида с Лионорой или Иоланда, она бы с радостью обошлась! Хотя вот такие братья, как Саймон и Дарра, это совсем другое дело... Она вспомнила проклятие, придуманное ими по заданию лорда Бастельеро, и едва не хихикнула. Ой, что будет! Ведь прямо сейчас Саймон, у которого первая лекция – этикет, и он ходит на нее по желанию, должен начать эксперимент. Ну а что, лорд Бастельеро ведь сам сказал, что проклятие должно быть снимаемым! А как это определить и доказать, если не наложить его на кого-нибудь?

Нет-нет, они не стали бы делать настоящую пакость, как Ида! Саймон, правда, предлагал отомстить кому-нибудь из старых недругов, но Дарра укоризненно сказал, что прыщи – это грубо. И вообще недостойно их изобретательности. Проклятие должно быть таким, чтобы случайная жертва не слишком пострадала, а лорд Бастельеро оценил изящество решения.

Они просидели в библиотеке два часа, шепотом споря и оглядываясь на мэтра библиотекаря, заподозрившего неладное и отказавшегося выдавать им какой-то старинный том с жутким названием. Дарра просто пожал плечами и сказал, что в таком случае велит привезти его из дома. У него-то есть экземпляр, подаренный матушкой, он просто не стал брать его в Академию. И Айлин снова не поняла, почему библиотекарь бросил на них такой странный взгляд и пробурчал что-то о безумных леди и запрещенных трактатах.

– Не обращай внимания, – махнул рукой Саймон. – Все книги, по традиции переплетенные в человеческую кожу, считаются запрещенными и адептам не выдаются. Но у Аранвенон библиотека даже лучше, чем у нас, – добавил он с искренней завистью, и Дарра кивнул.

А потом Айлин узнала, что есть спящие проклятья, которые активируются, если жертва выполнит определенное условие. Или, наоборот, нарушит. Ой, то есть все сказки, которые она читала...

– Ну да, – подтвердил Саймон. – Про веретено и спящую красавицу, про двенадцать лебедей... Нарушил условие – поплатился, и хорошо еще, если ты это условие знаешь. Но ладно уж, – покосился он на Айлин, – давайте сделаем что-нибудь безобидное. Например, проклятие, от которого человек начинает говорить наоборот. Переворачивает слова с конца на начало. Забавно получится!

– Годится, – кивнул Дарра и принялся рисовать на грифельной доске сложную схему энергетических потоков.

Потом они обсуждали, какой предмет проклясть, и Саймон сказал, что съездит домой и привезет розу из оранжереи своей матушки. Ее можно будет зачаровать и оставить где-нибудь в малом холле. Любой, кто просто возьмет ее в руки, будет в безопасности, но проклятие проснется, если розу кому-то подарят. А уж в том, что среди зимы кто-то непременно цапнет подобную редкость, можно не сомневаться!

– Но мы ведь потом снимем проклятие? – спросила Айлин, с беспокойством переводя взгляд с Саймона на Дарру и обратно.

– Разумеется! – успокоил ее Аранвен. – Определим воздействие, запишем результаты и снимем.

Вот так и получилось, что весь вечер они провозились над заданием мэтра Бастельеро, зато приманка получилась настолько удачная, что если бы Айлин не знала секрет этой розы – точно бы сама ее подобрала. Такую свежую, нежно-кремового цвета, едва распустившуюся... Можно и не сомневаться, что ее непременно кому-то подарят! А Дарра укоризненно посмотрел на Саймона и шепотом, когда думал, что Айлин не слышит, сказал ему, что розу надо было взять не одну. «Саймон, ты не галантен», – прямо так и сказал! Саймон что-то ответил, оправдываясь, и вид у него был обескураженный, как у Пушки, которого застали за проделкой.

Айлин представила лукавую веселую морду Пушки и почему-то сразу вспомнила вчерашнего нового знакомого. Лорд Аластор Вальдерон... Ох, он был такой забавный, когда принял ее за нечисть и взлетел на высокий склеп! Но храбрый, этого не отнять. И учтивый. И с ним было спокойно и весело, в точности как с Пушком. Конечно, не так, как с Саймоном и Даррой, но ведь они ее названные братья, а этого Аластора она едва знает. Может, он и вовсе больше не придет, решив, что знакомство с какой-то странной девицей не подходит наследнику лорда. Ну и пусть!

Вот если бы она представилась как Айлин Ревенгар, он бы точно захотел с ней общаться, но именно потому Айлин и не назвала своего имени. Она больше не леди, вот! И раз так, можно делать, что захочешь, даже знакомиться с кем-то без позволения матушки! С кем-то, кому будет интересна она сама, а не ее семья и репутация...

Мысли Айлин, не выпавшейся из-за вчерашнего похода на кладбище, поплыли куда-то вдаль. Голос магистра Роверстана звучал так сладко и мягко! Он перечислял родовые имена Трех Дюжин, adeпты старательно записывали, и Айлин, у которой потяжелели и принялись слипаться веки, утешила себя тем, что уж это ей точно без надобности. Она сама может не только перечислить все эти фамилии, но и навскидку мгновенно ответить признаки любой семьи, выученные, чтобы узнать их при встрече. Да и всех дворян, вроде бы, этому учат!

А голос у магистра низкий, и слышится в нем бархатистое низкое урчание, словно говорит не человек, а огромный лев. Арлезийский, как в особняке у Саймона! Точно-точно, арлезийские львы как раз черные. С гладкой блестящей шерстью и пышной гривой. Они собирают ее в хвост, как магистр Роверстан, чтобы не падала на лицо, когда стоишь за кафедрой. «Львы – за кафедрой?» – усомнилась Айлин, но решила, что это вполне логично. И вообще, из магистра вышел бы отличный лев! Куда там скелету, который анимировал Саймон...

Ее уносило все дальше, и вот уже магистр Роверстан представился ей в виде скелета, стоящего в библиотеке особняка Эддерли, но почему-то без головы. Ах да, череп же в коллекции магистра. Матовой желтизной отливает на полочке, красуясь на почетном месте, и под ним золотая табличка со списком прижизненных достижений. А скелет подбирается к черепу, хватает его – и вот магистр, воссоединившись всеми частями тела, сбегает из особняка.

Она представила магистра Роверстана уже не скелетом, а во плоти, одетым в белый фехтовальный костюм. За ним, задрав подол мантии, чтоб не мешала, гоняется по саду магистр Эддерли, возмущаясь, что господин разумник сбежал с определенного ему места. А Роверстан почему-то скачет по садовым дорожкам на четвереньках, как лев – на лапах...

Да, так магистра не поймать! И вообще, как ловят арлезийских львов? Наверное, их приimanaивают! Айлин как живую увидела Иоланду, с лукавой улыбкой идущую по саду и рассыпающую по дорожкам розовые шелковые цветочки, по которым магистр Роверстан должен прийти прямо в ловушку. А он вылезает из кустов, подходит на четвереньках к цветочной россыпи, пропитанной духами Иоланды, нюхает, морщит нос и оглушительно чихает!

– Кхм... – услышала Айлин и вскинулась, не понимая, где она.

Хихикнула Ида, обернувшись и глядя на нее с презрительным ехидством, послышались еще чьи-то смешки, но Айлин пропустила их мимо ушей. Магистр Роверстан смотрел на нее из-за кафедры с очень странным выражением лица, и Айлин отчаянно покраснела. Нет! Разумники не умеют читать мыслей! Ведь не умеют же?! Ой-ой-ой... Да она же заснула прямо на лекции!

– Вы хорошо себя чувствуете, адептка Ревенгар? – участливо спросил магистр, продолжая смотреть на нее с явным беспокойством.

Айлин, стгорая от стыда, кивнула, а Ида, наверняка ожидавшая, что преподаватель отчитает ее за такое безобразие, насмешливо фыркнула. Ну и пусть! Обращать внимание на всяких... Айлин опустила глаза, пряча взгляд от магистра, и услышала:

– Тогда продолжим, господа адепты. Итак... Назовите мне основное отличие королевского рода Дорвеннов от остальных семей Трех Дюжин.

– Разная внешность в семье? – предположил кто-то из адептов, и Роверстан неодобрительно покачал головой.

– Вы невнимательны, юноша. Что еще хуже, вы непочтительны к королевской семье. Если вы не сочтете за труд взять любую книгу по истории и взглянуть на портреты их величеств, то увидите, что они точно так же обладают семейным сходством, как и любой род из Трех Дюжин. Все Дорвенны высокие, у них крепкая фигура и правильные крупные черты лица. Светлые волосы и кожа, голубые или серо-голубые глаза, иногда зеленых оттенков, но тоже непременно светлые. Нет-нет, я не о внешности.

Неудачливый адепт смутился, а Роверстан заговорил опять:

– Как известно, внешность, за редким исключением, сохраняется во всех законных линиях Трех Дюжин. Я говорю об исключениях, поскольку они все-таки есть. – Он посмотрел на Айлин, и она замерла от почти тошнотворного страха, но магистр, даже не сделав паузы, продолжил: – Например, оба юных принца, сыновья его величества Малкольма, – образец крови Дорвеннов, но благородные юные принцессы черноволосы и черноглазы в свою прекрасную мать, ее величество Беатрис Итлийскую.

Адепты снова понимающе закивали, а у Айлин отлегло от сердца. В прямом смысле слова отлегло – оно даже застучало ровнее. Что бы она делала, приведи магистр в пример ее саму?

– У бастардов сохранение родовой внешности случается, – ровным голосом продолжил магистр, – но далеко не всегда. Иногда меняется цвет глаз и волос, иногда – черты лица или тип фигуры. Но есть более важный признак, безусловно характерный для законных Дорвеннов и имеющий огромное значение для королевства. Подумайте, что это может быть, вы же маги.

Он замолчал, и Айлин принялась напряженно перебирать только что услышанное, ища подсказку. Маги... маги... Речь не о внешности, значит... Что, опять ей придется отвечать? После такого позора? Но ей показалось, что она нащупала путеводную нить, оставленную магистром в своих рассуждениях. Магия! А действительно... Она подняла руку и, набрав воздуха, выдохнула:

– Можно?

Роверстан благожелательно кивнул.

– Вы говорили, – осторожно начала Айлин, – что Благие боги одарили Три Дюжины магической искрой. Но... я никогда не слышала про королей-магов. То есть...

Она смешалась, чувствуя себя глупой и не в силах объяснить, что имеет в виду, но Роверстан тепло улыбнулся.

– Именно, адептка Ревенгар. Представители королевского рода Дорвеннов никогда не рождаются магами. Будь они одаренными, им пришлось бы подчиняться власти Ордена, поэтому Благие Семеро в мудрости своей не посылают им искру, чтобы будущие короли могли без помех осуществлять справедливость для всех своих подданных.

– Никогда? – растерянно поразила Айлин. – Совсем?

– Если они рождены в законном браке, – невозмутимо подтвердил магистр. – Для королевских бастардов это правило не действует, напротив, боги часто одаряют их искрой. Но власть – это огромная ответственность, и ее цена велика. Дорвенны правят и магами, и профанами, поэтому стоят над всеми своими подданными по праву рождения, а не личного могущества. Более того, благодать законной королевской крови так велика, что истинный Дорвенн может усмирить любого мага, сам не обладая магической искрой. Не спрашивайте меня – как, это тайна королевского рода. Но именно поэтому Дорве Великий стал предводителем своих людей, среди которых было много талантливых и могущественных магов. Боги послали ему силу править верными и усмирять непокорных. Пожалуй, на этом сегодняшнее занятие следует закончить. К следующему занятию, господа адепты... – Бам-м-м-м! Учебный колокол возвестил окончание урока. – Извольте прочитать главу учебника, рассказывающую о правлении Дорве Великого, – закончил магистр, как всегда безупречно рассчитав время.

Сойдя с подиума, он прошел по проходу между рядами и вышел из аудитории, не глянув на Айлин, но ей почему-то показалось, что она чувствует спокойный внимательный взгляд магистра. Отогнав глупое ощущение – в самом деле, ну зачем ему это? – Айлин торопливо собрала вещи в ученическую сумку. Роза! Нужно скорее отыскать Саймона и Дарру, вдруг их приманку уже кто-то нашел? Она же пропустит самое интересное!

* * *

Шум драки Грегор услышал, когда до холла нижнего этажа, того самого, где Роверстан недавно разговаривал с матерью адептки Ревенгар, оставалась не одна сотня шагов. Прикинул расстояние, силу азартных воплей – и прибавил шагу. Однако... Неужели традиция межфаккультетских потасовок до сих пор соблюдается? Ну а почему нет, Орден ведь как раз силен... традициями. Он вспомнил Совет по поводу закрытия порталов и досадливо поморщился. Ладно, что случилось, того не изменишь. Но где остальные преподаватели? Это ведь оживленное крыло, где постоянно идут занятия!

Перед поворотом к холлу он снова прислушался и поставил щит – на всякий случай. Магия в честных академических драках решительно не поощряется, очень уж трудно ее контролировать в общей свалке, но даже если просто прилетит в лоб вазон с цветами, приятного в этом мало. А в том, что по холлу сейчас летает все, что в принципе можно оторвать и кинуть, нет никаких сомнений.

Он завернул за угол и едва удержался, чтобы не присвистнуть. Драка? Да это слабо сказано! Посреди холла катался огромный ком, сплетенный из рук, ног, тел и голов. Мантии с цветной оторочкой мелькали так быстро, что даже тренированный взгляд Грегора едва успевал различить признаки факультетов, и пока он мог лишь сказать, что общий фон драки – ало-фиолетово-желтый. Странно. Некроманты и боевики – вечные соперники, в этом как раз ничего необычного нет, но какого демона вмешались иллюзорники?

И где, Баргот их побери, дежурные преподаватели? В его время ни одна драка не длилась так долго, чтобы помешать наставникам пройти по холлу. Здесь же кабинеты магистров рядом!

Чутье некроманта уловило слабое веяние чужого внимания, слишком спокойного и сильного, чтобы принадлежать кому-то из дерущихся. Грегор окинул взглядом галерею над холлом и ожидаемо увидел туманную дымку возле перил, в самом удобном месте для наблюдения за холлом. Ах вот как! Милорды магистры развлекаться изволят?

Решительно свернув к лестнице, огибающей холл, он поднялся на галерею, прошел по ней до слегка выступающей вперед площадки, огражденной перилами, и нырнул под полог иллюзий.

– А, Грегор, здравствуйте, мой мальчик! – жизнерадостно отозвался магистр Эддерли, не отрываясь от происходящего внизу.

Магистр Кристоф приветливо кивнул, тоже не сводя взгляда с холла, а Роверстан – и этот здесь! – облокотился на перила, будто не замечая Грегора, и заметил:

– Я бы сказал, дорогие коллеги, что фиолетовые ведут. Они уже оттеснили красных от середины холла к стене.

– Разумеется, оттеснили, – недовольно буркнул Кристоф. – Все старшие курсы сегодня на тренировочном поле, а это что, малыши! Шестой, максимум, седьмой... Была бы здесь хоть дюжина старшекурсников...

Грегор с недоумением воззрился на преподавателя, который явно сожалел, что драка не приобрела еще больший размах, а потом на двух других, которые этому ничуть не удивились. Да они это серьезно!

– А ваших, дорогой Роверстан, я вообще там не вижу! – не унимался Кристоф, на что разумник лучезарно улыбнулся:

– И не увидите, дорогой магистр. Они же не боевики, им голова нужна не только для того, чтобы доблестно сносить ею цветочные горшки. Они, я полагаю, ведут наблюдение...

– Простите, милорды, – вмешался Грегор. – Но мы что, так и будем на все это смотреть, ничего не предпринимая? Или я пропустил момент, когда Устав Академии стал разрешать драки?

Снизу слышались подбадривающие вопли: боевики, собравшись, наконец, вместе, ударили в центр обороны некромантов и снесли его, но тут же с боков их взяли в клещи два фланга – единый фиолетовый и смешанный, разных факультетов. Грегор подавил совершенно недостойное преподавателя желание перегнуться через перила и дать своим пару советов... И поймал тоскливый взгляд магистра Кристофа, в котором это желание читалось так явственно, что на миг Грегор почувствовал себя разумником.

– А вы полагаете, что можете их остановить? – меланхолично поинтересовался Роверстан, еще удобнее облакачиваясь на перила. – Неужели армейский опыт не научил вас не отдавать приказы, которые попросту никто не выполнит?

«В каком смысле «не выполнит»? – поразился Грегор. – И это они тоже серьезно?!»

Шагнув к перилам, он оглядел весь холл, прикинув площадь, и сделал поправку на его высоту, из-за которой часть задействованной силы неминуемо развеется. «Кладбищенский холод»? «Вороний ужас»? «Могильная плита»? Нет, все не то. Половина адептов отправится напрямик отсюда в больничное крыло, за что мэтр Бреннан не поблагодарит. Пожав плечами, он просто обрушил вниз ледяную волну некроэнергии, а следом, усилив голос магией, рявкнул:

– Пре-кра-тить!

«Ить... ить... ить...», – откликнулось эхо под сводами холла.

Клубок тел возле ширмы распался, и стало ясно, что он состоял из трех иллюзорников и одного боевика... Несколько первокурсников-некромантов, облепивших здорового иллюзорника, посыпались с него, как спелые яблоки, а боевые действия посреди холла замерли, потому что все адепты вдруг разом пригнулись, зажимая уши ладонями, а потом ошеломленно заозирались вокруг.

– Разойтись по аудиториям! – рявкнул Грегор, уменьшив громкость, чтобы звук не резал уши, но хватило и этого – адепты рванули из холла, едва не сбивая друг друга с ног и напрочь забыв о недавней драке.

Иллюзорники, некроманты, боевики и стихийники – все вперемешку. Впрочем, мантий с белой оторочкой Грегор там и вправду не заметил, а сине-голубой факультет, как и целители, занимался в другом крыле.

– Коллеги? – услышал он все такой же безмятежный голос Роверстана, обернулся и увидел, как Эддерли что-то отдает разумнику, а тот опускает это в кошелек на поясе.

Кристоф, хмыкнув и бросив на Грегора странный взгляд, тоже покопался в кармане мантии, достал серебряную монетку и отдал Роверстану, сообщив:

– Мельче нету. Не беспокойтесь насчет сдачи.

– Как скажете, – беззаботно отозвался Роверстан, подкинул денежку на ладони, ловко поймал и, убирая в кошель, с издевательской серьезностью сказал:

– Благодарю, милорд Бастельеро. Вы были неподражаемы.

Закусив губу, Грегор покосился вниз, где стремительно разбегались последние драчуны, потом – на трех мерзавцев. То есть, простите, магистров! Магистры – изумительное сочетание алой, фиолетовой и белой мантий! – ответили ему взорами невинными и доброжелательными, разве что у Эддерли еще читалось легкое сочувствие к бывшему ученику.

– Простите... – тихо сказал Грегор, старательно сдерживая бешенство. – Вы что же, спорили? На меня?

– Зачем же на вас? – поразился Роверстан. – На деньги, разумеется! К слову, лично я в вас нисколько не сомневался, дорогой коллега. И ставил на то, что вы прекратите любое безобразие, которому хватит глупости произойти в вашем присутствии.

Взгляд у него был откровенно издевательский, но тон – учтивый до отвращения, и если бы Грегор сейчас врезал по холеной физиономии разумника кулаком, его бы попросту никто не понял. Всего-то невинная шутка!

– А что, у белой гильдии настолько плохо с финансами, – выдохнул он все на той же рвущейся наружу ярости, – что ее магистру приходится сшибать медяки, как уличному мальчишке?

– Успокойтесь, Бастельеро, – дружески посоветовал Кристоф и тут же добавил: – Если вас обижают исключительно низкие ставки, то все впереди. Никто из нас не сомневается в вашей будущей блистательной карьере.

Твари Барготовы! Пр-р-реподаватели, чтоб их! Даже Эддерли!

Грегор глубоко вдохнул и выдохнул, напоминая себе, что швыряться заклятиями посреди Академии – крайне дурной тон, а в собственных коллег – вдвойне. Хотя какие они ему коллеги после такого?!

– Ну-ну, Грегор, мальчик мой, – усмехнулся Эддерли. – Не принимайте так близко к сердцу. Здесь всегда творится что-нибудь этакое!

– Не вводите мэтра Бастельеро в заблуждение, милорд, – откликнулся Роверстан, снова отворачиваясь и с интересом оглядывая опустевший холл. – Обычно все намного хуже. Или интереснее, как посмотреть. Вот когда я стал магистром...

– А вы, коллега, сами виноваты, – слегка сварливо сообщил Кристоф. – Кто же становится магистром в тридцать два года? Кстати, Грегор, и вправду отличная работа. Но если бы не вы, красные победили бы!

Эддерли очень невежливо фыркнул, ухитрившись вместить в этот звук глубочайшие сомнения по поводу доблести боевиков и, одновременно, полную убежденность в победе некромантов – Грегор даже мимолетно позавидовал подобной выразительности. Наверное, она приходит с практикой.

– А меня вот интересует другое, – задумчиво сказал Роверстан, продолжая разглядывать что-то внизу. – Милорд Эддерли, ваш сын, случайно, не болен? Простоять все время битвы на ее краю и не вмешаться – это на него совершенно не похоже. Или это влияние Аранвена?

– Саймон? – встрепнулся магистр. – Где?

– А во-о-он... – с удовольствием наябедничал магистр разумник, указывая на дальний край холла, где троица адептов в темных мантиях перебежала от одного поваленного вазона к другому, явно что-то разыскивая. – Еще и Ревенгар с ними. Как любопытно...

– Саймон! – рывкнул Эддерли, и Грегор молча поразился: голос магистра раскатился по холлу без всякой магии.

– Ну и что все это означает, молодые люди? – с опасной вкрадчивостью поинтересовался Эддерли через пару минут.

Роверстан и Кристоф, разумеется, молчали, не вмешиваясь в дело чужого факультета, а Грегор едва сдержал смехок. Дарра Аранвен, как всегда невозмутимый, стоял под возмущенным взглядом магистра почти величественно и уж точно с полным хладнокровием, словно итлийский дог лучших кровей. Саймон Эддерли, напротив, напоминал пастушескую овчарку-полукровку: опасно зубастая пасть, но невинные глаза, полные легкого удивления – в чем можно обвинить такую лапушку? И между ними разве что не подпрыгивал рыжий, лохматый и кучерявый щеночек – воплощенная наивность и радость жизни. «Ой, а что-то случилось, да? – всем своим видом спрашивала Айлин Ревенгар, умилительно хлопая ресницами, и ее огромные зеленые глазки радостно сверкали. – Что-то интересное, да?»

Даже Кристоф фыркнул, взирая на это прелестное безобразие, а Дарра с достоинством ответил:

– Прошу прощения, милорд. Мы выполняли лабораторную работу.

– Да, работу! – влез Саймон, но поймал взгляд отца и смолк, а Аранвен так же размеренно продолжил:

– Это был эксперимент в учебных целях, милорд. Мы наблюдали за результатами, и я их записал, а потом мы решили найти опытный образец. К сожалению, он погиб.

И предъявил сломанную и полурастоптанную розу. Живую. Среди зимы. Нет, ничего особенного, конечно, тем более в Академии, полной стихийников, но... Грегор пригляделся к розе. Ах, паршивцы! Но красиво, не поспоришь.

– Лаборато-орная... – протянул Эддерли тоном, не обещающим ничего хорошего, и тоже присмотрелся к розе. – И кому же, позвольте узнать...

– Кхм! – поспешно выступил вперед Грегор. – Полагаю, милорд магистр, это моя вина!

Роверстан издал странный звук, к которому Грегор предпочел не прислушиваться, а то все-таки придется вызвать эту разумническую змею на дуэль. Ну хоть попытаться в очередной раз...

Дальше все оказалось просто. Так просто, что Грегор только диву давался, неужели он в годы обучения был таким же безнадежным балбесом? Эта троица и вправду из лучших побуждений и учебного рвения зачаровала розу, положила ее на видном месте и спряталась, чтобы, как изящно выразился Аранвен, «результаты наблюдений оказались максимально беспристрастными». «Ну конечно не потому, – про себя съязвил Грегор, – что иначе могли бы сами огрести неприятностей».

Розу нашел юный боевик с четвертого курса и тут же, даже не задумавшись, преподнес девице-иллюзорнице. Девица поначалу сама расцвела, подобно розе, но почти сразу обнаружила, что подарок с подвохом: благодарность, которую она попыталась пролепетать, обернулась набором нечленораздельных звуков. Решив, что над ней мерзко пошутили, иллюзорница сломала подарок о физиономию незадачливого ухажера, а тот огляделся вокруг, обнаружил мирно проходящую по своим делам парочку некромантов и решил, что это их подлых лап дело. Ну а что, раз порча – значит, некроманты! «Очень несправедливое и крайне предвзятое мнение о нашем факультете», – имел наглость сообщить Аранвен искренне обиженным тоном.

На последней фразе Роверстан снова издал подозрительный звук, похожий на стон, и торопливо отвернулся, Кристоф закусил губу, а Эддерли торопливо сказал:

– Ну хватит, хватит. Хм... Мэтр Бастельеро, зачитите им лабораторную, будьте добры.

– Да, милорд магистр, – кивнул Грегор.

– А за учиненные беспорядки, – нахмурился Эддерли. – Три дня... нет, неделя отработок на конюшне после занятий! Ревенгар, вас это не касается.

– Милорд магистр! – выпалила девчонка, снова едва не подпрыгнув. – Но я тоже! Тоже... виновата! Можно мне тоже на конюшню? Я люблю лошадей, правда!

– Не сомневаюсь, – безнадежно согласился Эддерли. – На конюшню так на конюшню. Вон с глаз моих!

Троицу словно ветром сдуло, причем Грегор готов был поклясться, что Ревенгар, поджавшую ноги, юные лорды просто унесли по воздуху, подхватив под руки, очень быстро и, главное, отработанно, словно долго тренировались.

– Мерзавцы... – одобрительно и с некоторой завистью прокомментировал Кристоф, а Роверстан кивнул, сдавленно хрюкая и сотрясаясь от смеха.

– Достойная смена некоторым, – устало съязвил Эддерли, и Грегор на миг ему посочувствовал.

А потом вспомнил, что эти трое – его личные адепты, значит...

– Прошу прощения, милорды, – сухо поклонился он. – Меня ждут дела.

Уже прошел половину галереи до лестницы и услышал за спиной голос просмеявшегося, наконец, Роверстана:

– Предлагаю повысить ставки на следующий раз, коллеги. Золотой флорин?

Что ответили остальные, Грегор, скрипнув зубами, не расслышал.

Глава 4. Война мантий

Аластор открыл глаза и тут же зажмурился – солнце в них так и брызнуло! Ой-ой, это же сколько он проспал? И к завтраку его почему-то не разбудили...

Неужели он пропустил утреннюю тренировку по фехтованию, на которую договорился сходить с новыми друзьями? Неудобно получилось. Еще, чего доброго, подумают, что он не явился, потому что вчера струсил и не пошел на кладбище? Ну нет, он им докажет!

Если только... Да нет, не могло же ему присниться, что он ходил на кладбище и познакомился с леди Айлин? То есть просто Айлин! Или могло?! По здравому размышлению, огромная стая упырей на главном кладбище столицы и разгоняющий их белый волкодав в самом деле походили на затянувшийся увлекательный сон. И леди Айлин слишком отважна и хороша собой, чтобы не оказаться всего лишь грезой! И как бы он не во сне залез на крышу склепа по обледеневшей стене?!

Нет, не может быть! Аластор вскочил, торопливо перебирая в памяти малейшие детали прошедшей ночи, и упал на колени перед кроватью. Вернувшись домой в четвертом часу утра, усталый и окоченевший, он не смог придумать достаточно надежного тайника и взятую из найденного клада долю добычи – совсем небольшую, только чтобы хватило на подарок Айлин! – спрятал именно в кровати, между матрасом и деревянным основанием. Если ему не приснилось, то трофей должен по-прежнему быть там... о Пресветлый, только бы это был не сон!!!

Пальцы наткнулись на завернутый в ткань твердый предмет, и Ал наконец-то перевел дух. Все-таки это случилось наяву!

Он осторожно вытянул сверток из-под матраса и невольно улыбнулся. Его добыча была крепко увязана в плотный яркий платок в красно-фиолетовую клетку и с монограммой «А» в углу. Остаток сегодняшней безумной ночи живо всплыл в памяти.

...Айлин, цепляясь за плющ, быстро спустилась до середины стены, а оттуда доверчиво прыгнула ему в руки, ни капли не сомневаясь, что Аластор ее поймает, раз обещал! И он, конечно, поймал, а потом поставил на замороженную землю, отпустил и сделал шаг назад, смутившись от такой фамильярности – вдруг юная леди подумает что-то не то?

– Благодарю, – ясно улыбнулась она и сделала реверанс.

Аластор поклонился в ответ и тут же с любопытством спросил:

– А что теперь?

– Искать клад, разумеется! – как-то даже удивленно откликнулась Айлин и со вздохом призналась: – Мэтр Киран сказал, что он спрятан в склепе Корсонов, но точного места не знал и сам. А беспокойного призрака... – она огляделась по сторонам, – ...здесь нет. Но мэтр сказал: «По ходу дела разберешься», – значит, надо разбираться!

Аластор, представивший было, что сейчас откуда-нибудь появится еще и злобный неупокоенный дух, немного расслабился. Нет, он, конечно, не боится, еще чего! Просто... просто упыри и дух – слишком много для одной ночи! Хотя на призраков тоже интересно было бы посмотреть.

– Давай подумаем сами, – предложил он. – Внутри склепа клада быть не может, он заперт. Значит, снаружи. Может быть, он закопан под склепом?

«Тогда искать можно, пока не посинеет, – подумал он разочарованно. – От холода! И чем мы станем копать, ведь у нас ни одной лопаты, а земля промерзла...»

К его облечению, Айлин решительно замотала головой. Так решительно, что даже капюшон сбила.

– Не может быть! Мэтр Киран рассказывал, что захоронку здесь делали тоже зимой и втайне, свежую рытвину сторож сразу бы заметил!

«И верно», – подумал Аластор и, подойдя к стене склепа почти вплотную, принялся обшаривать камни и завитушки сначала на высоте своего роста, потом все ниже и ниже. Семеро, благословите отца, который, пока Аластор был совсем еще маленьким, часто играл с ним в стражники-разбойники и никогда не отговаривался тем, что занят.

– Что ты делаешь? – удивленно спросила Айлин, и Аластор невольно почувствовал прилив гордости.

Вот! Вот сейчас она увидит, что наследник рода Вальдеронов умеет не только на склепах от нежити прятаться.

– Получается, хозяин клада не мог его ни закопать, ни занести в склеп, – объяснил он, вспоминая, как когда-то давно отец учил его самого устраивать и искать тайники. Правда, для игры, но какая разница? – А если прятал все же здесь, то, скорее всего, тайник прямо в стене, и хозяин клада о нем знал. Может, какая-то из этих завитушек сдвигает один из камней? Или в кладке есть фальшивая плита.

Айлин посмотрела на него восхищенно, отчего Аластору стало чрезвычайно приятно, но ничего не сказала. Вместо этого подошла поближе и тоже принялась простукивать камни.

Тайник нашел все-таки Аластор. Одна из мраморных плиток облицовки примерно на высоте его плеча отозвалась на стук куда звонче соседок. А потом и нажатия поддалась!

– Ух ты... – восторженно пробормотала Айлин. – Давай посмотрим, что внутри? Только я первая, вдруг там магическая ловушка?

Аластор со вздохом посторонился – обычных ловушек он не опасался, но магические и впрямь лучше смотреть магу – и Айлин без колебаний сунула ладошку в открывшийся проем. Пощупала там и вытащила небольшую деревянную коробку очень потрепанного вида.

– Вот! – сказала она так гордо, что Аластору немедленно стало жутко интересно, что же там такое. – Давай где-нибудь сядем и посмотрим?

Честно признаться, клады Аластор представлял иначе. Например, в виде сундучка. Или хотя бы горшка, доверху наполненного золотыми... ладно, хотя бы серебряными! – монетами. А содержимое коробки напомнило ему шкатулку матушки с украшениями, вышедшими из моды или сломавшимися, да так и не починенными за ненадобностью в поместье. Ал заметил пару свернувшихся змейками цепочек, слишком тонких и не украшенных ни одним драгоценным камнем, чтобы оказаться дворянскими гербовыми цепями. А еще – массивный серебряный браслет, торчащий вверх сломанной застежкой, и рассыпавшиеся по всей коробке крупные жемчужины разорванного ожерелья... Блеснуло, кажется, кольцо... Ах да, и все-таки несколько монет!

Собранные в шкатулке вещицы никак не могли принадлежать одному и тому же человеку: слишком уж разные и с виду – судя по жемчужинам, ожерелье при жизни было куда изысканнее браслета! – и, наверное, по цене? Значит, хозяин клада был попросту вором?

Аластор чуть было не возмутился, но вовремя себя одернул: с чего он, собственно, взял, что прятать ценности могут только честные владельцы? Если подумать, то должно быть как раз наоборот! Он поворошил содержимое – ну нет, ни браслета, ни цепочек, ни кольца он не возьмет, вот разве что пару жемчужин? Их тут еще много останется... А вот если украсить этими жемчужинами подарок, который он купит Айлин, это ведь будет достойно?

– Можно? – спросил он, осторожно вынимая из коробки ровно две жемчужины, и Айлин поспешно закивала, кажется, даже не взглянув, что он там достал.

– Конечно, бери, что хочешь! Я бы без тебя в жизни не нашла этот тайник!

– А откуда твой наставник... ну, призрак! Откуда он вообще про него знает? – спохватился Аластор, разрываясь от любопытства.

– Ну... – Айлин, кажется, смутилась. – Насколько я поняла, когда он еще был адептом, в Академии завелся воришка... Ты не думай, такого в Академии вообще-то не бывает, просто однажды... Ну вот, и как-то раз он украл курсовую работу у одного артефактора, друга мэтра

Кирана. Они ее вместе делали. Настоящий неразменный золотой, представляешь?! То есть не совсем настоящий. Его нельзя было использовать, потому что на самом деле этот золотой маскировал под себя обычный медяк... или даже сухой листик. В общем, что у хозяина оказалось в кармане. Но им же никто не собирался пользоваться, только защитить курсовую!

«Действительно, нечестно, – подумал Аластор. – Но с другой стороны, если просто показать наставнику – и все, то ничего страшного? И вообще, как интересно быть магом и изобретать такие... штуки! Вот бы познакомиться с этим мэтром Кираном!»

– Тогда мэтр Киран с другом решили выследить воришку и... побить, наверное. И выследили до этого самого склепа! Только сделать ничего не успели: тот хотел открыть тайник, а на него набросились упыри. Мэтр Киран хотел помочь, но не успел, – закончила Айлин с жутковатой простотой и выбрала из шкатулки примеченные Аластором монеты, шесть золотых старой чеканки – профиль на аверсе был совсем не похож на короля Малкольма!

Поводив ладонью над монетами, она уверенно выбрала одну – видимо, ту самую, неразменную! – и вернула ее в шкатулку.

– Мэтру Кирану отдам, – решила она, а остальные пять положила на крышку шкатулки и придвинула к Аластору. – Бери!

Аластор вздохнул, отодвинул пальцем две монеты и посмотрел на Айлин.

– Остальное твое.

И вдруг осекся, пораженный страшной мыслью: что, если это чудесно безумное приключение вот так и закончится?! И они больше никогда не встретятся?

– Миледи... то есть Айлин! – торопливо выпалил он. – Ты же не в последний раз ищешь клад, правда? Мы ведь увидимся еще? Тебе нужна помощь, ты сама говорила. Как я тебя найду?

– Других кладов я пока не знаю, хоть они бы мне игодились, – очень взросло вздохнула Айлин. – Но я спрошу мэтра Кирана, вдруг он что-нибудь подскажет. Только не завтра! Мне бы все-таки выспаться перед занятиями. И соседка теперь уедет домой только на следующие выходные. Хочешь, встретимся через неделю? Ты знаешь, где находится Академия?

Аластор гордо кивнул. Кто же, прожив в столице больше недели, этого не знает?

– Если сможешь выбраться из дома и не передумаешь, то приходи к Академии накануне выходного дня. В половине первого ночи, – предупредила Айлин. – Только не к главным воротам, а к северной стене. Отсчитай от главных ворот две сотни шагов, там и встретимся. Ты сразу узнаешь место, на том участке стены плющ, прямо как здесь!

– Я приду, – твердо пообещал Аластор.

И вдруг задумался – как же нести домой добычу? Сунуть в карман? Но в плаще у него карманов нет, как и в камзоле, а поясной кошель он оставил дома. Нести в руках? Или сунуть внутрь перчаток?

Айлин между тем сунула коробку в поясную сумку и взглянула на Аластора, который одной рукой держал жемчужины с монетами, а другой неловко застегивал плащ, сдернутый со склепа и накинутый на плечи.

– Подожди! – решительно сказала она и, вытащив из собственного кармана платок, протянула ему. – Завяжи в него! Так точно ничего не потеряешь. Он чистый и мой собственный, не академический!..

* * *

Аластор еще раз полюбовался свертком – платков такого узора и яркости он не видел еще ни у одной леди! И у матушки, и у сестер платки просто белые, зато отделанные кружевом и тонкой вышивкой. Может быть, это такая столичная мода? Или цветные платки носят только маги? Как бы это узнать?

От платка сладко пахло яблоками и чем-то еще, неуловимым и непонятным, в точности как от леди Айлин, и Аластор вздохнул. Как же здорово, что она настоящая! И как жаль, что еще совсем маленькая, даже младше Мэнди и Лоррейн! Но он все равно разужнает, из какого она может быть рода. И вообще все о ней разужнает! Вот прямо после завтрака и спросит у родителей, в каком роду встречаются такие рыжие волосы и веснушки?

Поспешно сунув сверток с трофеями обратно под матрац, Аластор принялся приводить себя в порядок, благо, свежую одежду и кувшин для умывания принесли, пока он спал. Все слуги в поместье, а теперь и в особняке, знали, что будить заспавшегося наследника не нужно – проснется сам, зато и оденется, и умоется самостоятельно!

Поплескавшись в приятно прохладной воде и пригладив щеткой непослушные светлые лохмы, Аластор стянул их бархатной лентой, оделся и вышел из комнаты. И почти тут же из своей спальни в коридор вышел отец.

– Доброе утро, мой мальчик, – улыбнулся он. – Вижу, ты хорошо выспался? Прекрасно. Я хотел поговорить с тобой. Пойдем в кабинет.

– Разумеется, милорд отец, – растерянно ответил Аластор и тут же спохватился. – Доброе утро!

Интересно, что случилось такого важного, что отец хочет обсудить это наедине? К счастью, долго гадать не пришлось: столичный особняк их семьи был не слишком велик, в отличие от дома в поместье, и кабинет отца находился в этом же крыле.

В кабинет отец пропустил Аластора первым, плотно притворил дверь и, подойдя к массивному письменному столу, достал из верхнего ящика лист бумаги. И придвинул к себе чернильницу.

– Сегодня ты провел большую часть ночи не дома, не так ли? – спросил он мягко, и Аластор едва не онемел от изумления.

Откуда отец знает?! Аластор же ушел и вернулся с черного хода, его даже никто не видел...

Проклятье! Никто, кроме сторожа, который открыл ему этот черный ход! Вот предатель, сразу отцу нажаловался! А Аластор ему, между прочим, еще монету дал!

Взглянув на его обескураженное лицо, отец тихонько хмыкнул и усмехнулся.

– Не волнуйся так, мой мальчик. В твоём возрасте ночные отлучки более чем естественны, и я вовсе не собирался тебя бранить. Столица – это всегда множество соблазнов для юношей, но мне хотелось бы верить, что ты будешь достаточно... осмотрителен?

– Разумеется, милорд! – горячо заверил Аластор, не совсем понимая, что отец имеет в виду, но искренне намереваясь выполнить обещание и быть осмотрительным.

Во всем! Вот для следующей вылазки за кладом он непременно возьмет сумку, как у леди Айлин, и второй плащ, и фляжку шамьета, и булочку – наверняка Айлин их любит! И даже веревку на случай, если опять придется куда-нибудь забираться...

Отец кивнул, удовлетворенный обещанием, и, обмакнув перо в чернильницу, написал на листе несколько строк. А потом пододвинул лист к Аластору.

– Здесь адреса самых пристойных столичных... заведений, сынок. Приятная обстановка и красивые дамы, исключительно избранное общество. Пообещай мне, что не пойдешь в иные... места, даже если будут приглашать другие юные дворяне.

Заведений? Красивые дамы? Аластор бросил взгляд на лист и покраснел: в самом верху каллиграфическим отцовским почерком было выведено слово «Страстоцвет». И адрес. Это же... это...

Он едва не выпалил, что вовсе не собирался посещать подобные места! Зачем ему продажная любовь, если он отдаст сердце только прекрасной добродетельной девушке, как всегда учили его родители! Но тут же спохватился: зато какое прекрасное объяснение для его будущих ночных отлучек! То есть он вовсе не собирается врать отцу, ни в коем случае! Он просто

не будет рассказывать о поисках клада, чтобы никого не волновать, а адреса возьмет. Вдруг... пригодятся? Ну просто чтобы знать, куда именно его могут пригласить столичные знакомые, и не чувствовать себя провинциалом в разговорах.

– Благодарю, милорд отец, – произнес Аластор с подобающей учтивостью. И, глядя на понимающую улыбку, вдруг решился. – Я хочу спросить.... Не знаете ли вы, в каком роду встречаются рыжие, как огонь, леди? И с веснушками, – добавил он смущенно.

Отец подался вперед и посмотрел на него с любопытством.

– Неужели твое сердце похитила какая-то девица, мой мальчик?

– Вовсе нет! – запротестовал Аластор. – Ничего подобного! Просто... просто... Просто скажите, если знаете, милорд!

– Рыжеваты и веснушчатые Райнгартены, – сжалился отец. – Но в этом поколении у них нет ни одной юной леди. И в старшей, и в младшей ветви лорды еще не женаты и не имеют детей. А столь ярко-рыжих, как ты описываешь, в Трех Дюжинах вовсе нет. Ты уверен, что речь идет о леди?..

– Уверен! – с жаром ответил Аластор, вспомнив тонкое лицо Айлин, ее осанку и манеры. – Только я... я видел ее один раз в городе и не смог узнать род...

– На балу в честь мэтра-командора я видел рыжую даму точь-в-точь того оттенка, как ты описываешь, – припомнил отец, нахмурившись. – Правда, у нее не было веснушек, но ведь веснушки можно свести... Так вот, та дама – жена лорда Ревенгара, и как я слышал, у них двое детей, мальчик и девочка. Но едва ли дочь Ревенгаров может оказаться твоей таинственной незнакомкой, ведь она должна быть такой же блондинкой, как и отец. Впрочем, если эта девица – дворянка, рано или поздно ты встретишь ее в обществе, а если она из купеческого, скажем, сословия, то это неподходящее знакомство. Ты ведь это понимаешь, мой мальчик? – добавил он мягко, но таким непреклонным тоном, что Аластор послушно кивнул.

Да, если Айлин... Если она действительно не благородной крови, отец никогда не разрешит ему... А что, собственно, не разрешит? Аластор же не собирается делать ей предложение! Она еще совсем маленькая... Просто очень умная, храбрая, и с ней невероятно интересно. Она не хихикает глупо, как другие девицы, не жеманничает, стреляя глазками и прикрываясь веером, не обсуждает часы ленты, прически и наряды. Ни одна знакомая Аластору девица не пошла бы разыскивать тайник в кладбищенском склепе в сопровождении одной лишь собаки! И не грызла бы яблоко, глядя на стаю упырей. И...

Нет, пусть эта тайна останется только его собственной. Даже отец ее не поймет, а уж юным дворянам, с которыми он поспорил, тем более ничего нельзя рассказывать! Не дай Пресветлый, кто-то из них обронит хоть одно насмешливое или неучтивое слово про его новую подругу!

– Позвольте вас оставить, милорд? – вежливо спросил он, и отец благосклонно кивнул.

Чинно выйдя из кабинета, Аластор чуть ли не вприпрыжку промчался по коридору, съехал по перилам, – благо, никто не видел, только горничная, убиравшая холл, старательно отвела взгляд – забежал на кухню, ухватив кусок пирога, и, жуя его на ходу, помчался в конюшню. Ах да, плащ! И кошелек! И шпага! С полдороги вернулся обратно, уже рассудительно прикинув, что еще взять с собой в город. Ему обязательно нужно сегодня же попасть в какой-нибудь модный дамский магазин. А то если спросить сестер или матушку, они мгновенно поймут, к чему это, и тогда от расспросов до следующего Солнцестояния не избавишься. А у него дела! К концу недели ему нужно придумать и заказать достойный подарок для Айлин. Неважно, леди она или нет.

* * *

– Скажите, мой мальчик, – задумчиво поинтересовался Эддерли, придвигая кружку со свежим шамьетом и с неповторимой вальяжностью раскидываясь в кресле. – Вы не думали о

том, чтобы взять еще парочку предметов? Например, снятие проклятий у шестого-седьмого или рунные плетения у десятого? У вас явный талант к преподаванию.

Грегор, после истории с розой ожидавший чего угодно, только не последней фразы, едва не поперхнулся своим напитком и взглянул на магистра с недоверчивым изумлением.

– Вы шутите? – осторожно осведомился он. – Милорд, вам ли не знать, что я никогда не думал об этой стезе? То, что я пришел в Академию, это чистая... случайность!

– Конечно-конечно, – закивал Эддерли. – Но разве не случайности правят нашей судьбой? Вы один из самых блистательных мастеров поколения, если вовсе не сильнейший. Немного вспыльчивы и горячи, но рассудительность приходит с возрастом. Ах, если бы с ним приходила только рассудительность, а не ломота в костях, седина и хм... ладно, мы не об этом.

Он отпил еще шамьета и взял с блюда ореховое печенье, которое к столу преподавателей пекли прямо на кухне Академии. Когда-то Грегору очень хотелось попробовать именно это печенье, щедро украшенное изюмом и цукатами, неизменно румяное и вызывающее у адептов зависть своей недоступностью. Вот не странно ли? К его услугам всегда были лучшие кондитерские Дорвенны, а хотелось именно того, что попросту не подавали на ученический стол.

Теперь Грегор знал, что в печенье, рецепт которого вряд ли изменился за пару дюжин лет, нет ничего особенного, зато подогретое вино, одобренное специями и слегка разбавленное медовой водой, это истинный эликсир для утомленного лекцией горла. Шамьет, обожаемый в Академии и вошедший в огромную моду при дворе, он пытался оценить, но искренне не понимал, почему все так его нахваливают. Либо горькая гадость, если без меда, либо сладкая – если с оным. Эддерли, напротив, шамьет обожал, и по его распоряжению в комнату преподавателей на каждой перемене подавали кувшин горячего свежесваренного напитка и легкие закуски. Вот как сейчас, между третьим уроком и четвертым, когда до обеда еще далеко, но легкий завтрак уже успел забыться.

– И все-таки, Грегор, – мягко, но настойчиво гнул свою линию магистр, – подумайте над моим предложением. Коллеги-некроманты вас уважают, адепты от вас без ума. Мой собственный сын влюблен в вашу манеру преподавания со всей пылкостью юности. «Вороны Бастельеро» – слышали уже? Особый спецкурс лорда Бастельеро зовет себя в вашу честь, и это уже разлетелось по всей Академии.

– Детские глупости, – буркнул Грегор, пряча взгляд в чашку с дымящимся напитком. – Мальчишки в этом возрасте излишне романтичны.

И все-таки на сердце снова стало теплее, причем совсем не от горячего вина с медом. Когда лучшие юные маги факультета восхищаются тобой и выбирают в качестве знака твой герб, это... Ну, не льстит, конечно, но безусловно приятно. Наверное, ради этого и идут в преподаватели? Признание того, что можешь повести кого-то за собой не только на войне, но в мирное время. Дар передать то, что знаешь и умеешь, воспитать в мальчишках то, что считаешь основой характера. И когда-нибудь новая основа Ордена будет смотреть на мир твоими глазами...

– Мальчишки – да, – задумчиво согласился Эддерли. – Саймон только возрастом приближается к совершеннолетию, нравом он еще совсем ребенок. Однако ими предводительствует Дарра Аранвен, а этот юноша далеко пойдет. Ангус готовит из него своего преемника, и я давно заметил, что юный Дарра никогда и ничего не делает необдуманно. Но сейчас он тоже кажется весьма воодушевленным. Во всяком случае, затея с перьями принадлежит именно ему.

– Перья? – спросил Грегор, чувствуя, что разговор начинает его смущать.

– О, Грегор, вы невнимательны, – усмехнулся Эддерли. – Присмотритесь же к своим адептам! Они уже второй день носят в прическах серебряные шпильки в виде перьев. Вороньих, если вы вдруг усомнитесь. Черненное серебро из лучшей ювелирной мастерской Дорвенны, заказанное лично Даррой Аранвеном. Вы и в самом деле не видели? С кем-то другим я бы в это ни за что не поверил, но на вас это так похоже!

Грегор и в самом деле смутно вспомнил, что на последнем занятии особого курса заметил в прическе Ревенгар какую-то странную безделушку, ничуть не помогающую девчонке удерживать в порядке непослушные рыжие кудри. Те все равно норовили выбиться из кос и окружить лицо хозяйки огненно-золотым ореолом. Ревенгар, надо отдать ей должное, с норовистыми завитками честно сражалась, но обычным орудием в этой неравной борьбе ей служили широкие ленты, а шпилька... Разве вот это удержишь шпилькой? Все равно что ее любимое умертвие посадить на поводок из одной нитки. Присматриваться к юношам ему как-то в голову не приходило. А теперь... Вот как на это все прикажете отозваться? Отчитать и запретить? Промолчать и сделать вид, что не заметил?

– Это дети, Грегор, – хмыкнул Эддерли, явно насквозь видевший его размышления. – Они обожают учителей больше, чем родителей, потому что мы, как умелые садовники, растим не только их разум, но и душу. И выражают это обожание по-своему. Главное, будьте осторожны. Они возведут вас на пьедестал, и вы останетесь там ровно до тех пор, пока не разочаруете их чем-то. Но стоит вам это сделать – и возмущение их будет столь же сильным, как до этого любовь. Ученики охотно прощают наставников, которые им безразличны, но от своих кумиров требуют безупречности.

– Полагаете, мне следует это прекратить? – прямо спросил Грегор, откидываясь на спинку стула и радуясь, что в комнате больше никого нет.

Впрочем, окажись рядом кто-то еще, умница Эддерли этот разговор бы не затеял.

– Зачем же? – пожал плечами пожилой магистр. – Я уверен, что вы не научите дурному ни моего сына, ни прочих... воронят. Юношам нужно за кем-то тянуться. А вы, Грегор, для них идеал. Истинный аристократ древнейшей крови, герой войны, могущественный маг и Избранный нашей великой покровительницы, Претемнейшей Госпожи. Полагаю, сотни юнцов по всему Дорвенанту мечтают быть на вас хоть немного похожими, так с чего этим мальчишкам быть другими. Они пока не понимают, что вы не только статуя в Зале Славы Академии, но и живой человек со своими слабостями. Это меня несколько тревожит, но я искренне надеюсь, что вскоре они достаточно поумнеют. Кстати, – усмехнулся он в ответ на явное смущение Грегора, – вы так и собираетесь носить не преподавательскую мантию, а камзол? Нет-нет, лично я не против! Но вы же понимаете, что это делает вас еще более... заметным?

«Вызывающе выглядящим, – мрачно перевел Грегор деликатное определение магистра. – Но мантия? Нет, только не это!»

– Ну... – извиняющимся тоном ответил он. – Я не думаю, что всего один преподаватель в камзоле нарушит устои Академии настолько, чтобы это...

– Один? – насмешливо изогнул все еще темные брови Эддерли. – Ну-ну...

Дверь распахнулась, и в комнату стремительно влетел мэтр Ирвинг, молодой преподаватель, работающий то ли с пятым курсом, то ли с восьмым – Грегор как-то не запомнил. Ирвингу на вид было лет тридцать-тридцать пять, и он напоминал фраганскую борзую длинным худощавым телом, острыми умными глазами и порывистыми движениями. А еще он всегда был одет в длинную фиолетовую мантию, как и положено порядочному мэтру-некроманту. Хм...

– Доброго дня, милорды, – жизнерадостно поздоровался Ирвинг, хватая чистую чашку и торопливо наливая шамьет. – Чуть не опоздал! Еще немного, и колокол прозвенит, а у меня в горле пересохло, словно в Арлезийской пустыне!

– Доброго дня, мальчик мой, – благожелательно ответил Эддерли и выразительно покосился на Грегора.

Вместо мантии на Ирвинге был камзол! Не военного образца, больше напоминающего мундир, а штатского, только гораздо скромнее обычного. Плотное черное сукно и фиолетовое шитье по воротнику, обшлагам и застежке. Аметистовые пуговицы. Узкие белые манжеты виднеющейся под камзолом рубашки. Исключительно пристойный и сдержанный вид. Но какого Баргота?! Это же Академия! Преподаватель в камзоле...

Грегор подавил нервный смешок, представив, как будет звучать его возмущение. Эддерли разглядывал их обоих весело и с явным удовольствием.

– Кстати, милорд Бастельеро, – обратился к Грегору Ирвинг, ухитряясь говорить членораздельно, несмотря на набитый печеньем рот. – Вы не могли бы как-нибудь заглянуть ко мне на лекцию? Мы проходим упокоение призраков и умертвий, мне бы хотелось показать adeptам работу настоящего мастера.

– Да, разумеется, – выдавил Грегор.

Ирвинг, благодарно поклонившись, в три огромных глотка выхлебал изрядную кружку шамьета, схватил с полки толстенный том «Кладбищенского бестиария» и выскочил в коридор.

– Вот так вот, – хмыкнул Эддерли. – Непривычно, правда? Одно дело – на практических занятиях, да и то преподаватели старой школы негодуют. Но ведь он и на лекции так ходит! И не только он. Боевики, кстати, тоже подхватили, им эти мантии давно поперек горла стоят. Не размахнуться, мол, не швырнуть чем-нибудь таким! Что-то я не замечал, чтобы Кристофу мешала мантия. Как в молодости сбивал с завязанными глазами Молотом Пресветлого птичку на звук, так и сейчас вlepит ничуть не хуже.

– Извините, милорд, – мрачно отозвался Грегор, чувствуя себя действительно неловко. – Я сожалею. Если это как-то поправит дело, я завтра же...

– Да полно вам, – благодушно махнул рукой магистр. – Поверьте моему опыту, людям всегда что-то мешает! Кому-то – чужие камзолы и мантии, кому-то – их содержимое. Плохим танцорам, говорят, мешают слишком тесные чулки... Мне вот мешают лишние сорок... ладно, тридцать лет! Когда вам будет столько же, вы научитесь отделять действительно важные вещи от всяких... войн за мантии. О, Денвер! – обернулся он к двери, в которую входил чрезвычайно мрачный пожилой мэтр, при виде которого Грегор снова почувствовал неприятное тянущее смущение. – Ну, хоть для разнообразия скажите, что у нас все хорошо!

– Как пожелаете, – желчно ответил Денвер, сбрасывая маску благодушия, которую надевал на уроки к adeptам-первокурсникам. – У нас все просто замечательно! Драммонд принес в аудиторию к боевикам полмешка заговоренных крыс и выпустил их во время лекции магистра Уинн. И что, вы думаете, сделала эта почтенная м-м-магесса? Вскочила на кафедру и завизжала! А галантные идиоты с Красного факультета кинулись крыс истреблять. Угадайте – чем?

– Только не говорите, что Молотом? – в священном ужасе уточнил Грегор, мгновенно представив объем разрушений.

И хорошо еще, если обошлось без жертв!

– Именно! – рявкнул Денвер. – И еще врет, мерзавец, что не собирался их выпускать, а просто оставил мешок в углу, собираясь в столовую! Крыски, мол, сбросили обездвиживающее заклятие... Обездвиживающее! У Драммонда! Кому врет, негодяй? А у боевиков ни одного целого стекла в аудитории не осталось!

– Ну так надо было не по стеклам кидаться, а по крысам, – невозмутимо парировал Эддерли. – Скажите Кристофу, что его косорукие мазилы сами виноваты. Что-нибудь еще?

– Гринхилл, – с ядовитым удовольствием сообщил Денвер, – зачаровал горгулью на третьем этаже, и она начала распевать непристойные песни. Магистр Адальред пообещал оторвать ему голову, но мне удалось договориться, что голову Гринхиллу мы оторвем сами, пусть артефакторы не беспокоятся. Горгулью, правда, придется менять, непристойные песни она больше не поет, зато цитирует «Большой свод кошмаров», а это, сами понимаете, то еще чтение, первокурсники боятся рядом проходить.

– Какой способный мальчик, – одобрительно отозвался магистр. – В лаборатории его на неделю, и пусть котлы хоть поют, хоть танцуют, лишь бы чистые были.

– А юные Эддерли, Аранвен и Ревенгар... – начал Денвер, и Грегор вскинулся.

– Они же на отработках, – сказал он в искреннем недоумении. – И вообще, кажется, притихли.

– Притихли, – злорадно подтвердил Денвер. – Очень заняты были всю неделю. После занятий честно отрабатывали на конюшне, зато вечерами, оказывается, вскрывали склад музея, выносили оттуда неиспользованные чучела, разбирали их на составляющие и пытались собрать дракона. Дракон не дракон, но тварь получилась такая, что мне самому поплохело, когда увидел. Сплошные зубищи, когти, шипастый хвост... А когда собрали, запустили эту мерзость с крыши целительского флигеля во время урока танцев!

Он обреченно обвел взглядом магистра, сидящего с непроницаемым лицом, и Грегора, искренне не знающего, что сказать, и со вздохом добавил:

– И что, вы думаете, сделала эта тварь, когда целители с воплями разбежались? Принялась жрать кусты! Какие-то редкие экземпляры, за которые Бреннан озверел хуже любого дракона. Нет, я его в чем-то понимаю, сожри тварь парочку адептов, их бы еще много осталось! Но она травоядная! Эта троица, видите ли, поставила ограничивающее условие! Уволюсь к Барготу! Эддерли, ну что вы так смотрите! Поговорите со своим оболтусом! Он в этом году совсем невыносим! Они же Ревенгар на этого дракона посадили! Как самую маленькую и легкую. А она была в полном восторге, разумеется!

– Я поговорю, – с тем же непроницаемым лицом пообещал Эддерли. – Непременно! Дракон, говорите? Ну... это несомненный шаг вперед по сравнению со скелетами.

Язвительно фыркнув, Денвер забрал с полки какие-то бумаги и двинулся к двери, но у самого порога обернулся и посоветовал:

– А лучше пусть с ними Бастельеро разбирается. Все эти красавцы с его курса, между прочим!

И вышел.

Пару минут в комнате стояла полная тишина. Эддерли безмятежно допивал шамьет, Грегор вспоминал...

– Скажите, магистр, – сказал он, наконец, совершенно обреченно. – Я же помню себя прежнего. Как вы за столько лет меня даже не прокляли ни разу? Какая-то особенная преподавательская магия?

– Она самая, – мечтательно улыбнулся Эддерли. – Она самая! Каждый раз, глядя на вас и слушая, что вы еще натворили, я успокаивал себя тем, что адепты вырастают, и некоторые из них, самые талантливые и потому самые хлопотные, возвращаются в Академию преподавателями. Это и есть высшая справедливость, мальчик мой. И я надеюсь, она вас очень утешит, когда будете разговаривать со своими... Воронами.

– Я запомню, – сказал Грегор сдержанно, встал и поклонился. – Прямо сейчас и пойду... тренироваться. Если позволите.

Очень аккуратно закрыв за собой дверь комнаты для отдыха, он оглядел пустой коридор. Колокол прозвенел с четверть часа назад, и все адепты были на занятиях, пройти мог разве кто-то из преподавателей, у кого оказался свободный промежуток в расписании. Грегор потянулся к энергетическим линиям, свернул их в любимую, до совершенства отработанную «Могильную плиту» и стал прикидывать, куда бы запустить этим чудовищным заклятием. Стену – жалко, окно слишком узкое. «Плита» у него всегда выходила на славу.

– Хм... – услышал он за спиной ненавистный знакомый голос. – Вы не возражаете, если я пройду? Не хотелось бы... внезапности.

– Идите, – сквозь зубы процедил Грегор, остро жалея, что брошенную на голос плиту на внезапность и вправду уже не спишешь.

А как было бы славно!

– Благодарю! – откликнулся Роверстан, проходя мимо.

Грегор оглядел его и едва не закрипел зубами. Не камзол, нет. Но и не мантия. Новое одеяние разумника было щегольски приталено, а его край не доходил до колена на ладонь, и из-под него виднелись свободные белые брюки. Больше всего это напоминало ненавистный

Грегору фраганский мундир, только белый и пошитый у лучшего столичного портного. Барггот его... «Война мантий», – вспомнились Грегору слова Эддерли, и подумалось, что мудрый некромант, конечно, прав, но люди по своей природе существа не слишком умные, а Академия куда более безумное место, чем ему раньше представлялось.

Глава 5. Редкая птичка

– ...А потом мы вылезли через окно прямо на крышу Академии! И я подумала, почему люди не летают как птицы? А Саймон сказал, что как птицы – это неинтересно, вот если бы как драконы... А Дарра сказал, что почему бы и нет? И мы сделали дракона! Ну, то есть... почти дракона. Крылья – от горгульи, а морда – от вурдалака, а потом Саймон его анимировал! Только дракон все время немножко перекашивался, и Дарра сказал, это из-за того, что у него неправильная тяжесть где-то в центре, но если ее сместить... Я на нем даже летала! Один раз! И со всадником он не перекашивается...

Аластор вздохнул и ругнулся про себя, надеясь, что Айлин ничего не заметит. Опять эти Саймон и Дарра! Нет, он очень любил истории про жизнь в Академии, а уж рассказы про лорда Бастельеро готов был слушать хоть всю ночь напролет. Но Саймон и Дарра, про которых Айлин говорила с такой восторженной нежностью, ему категорически не нравились. Может, они и достойные юноши, но разве допустимо так рисковать жизнью леди? На драконе они ее катали, вообразите только! А что теперь делать Аластору?! Как вообще можно превзойти полет на драконе?!

– А мэтр Бастельеро так ругался, – добавила Айлин с горестным вздохом. – Понимаешь, когда дракон приземлился, он съел кусты какой-то живянки, я пока не знаю, что это, но магистр Бреннан очень возмущался! И сказал, что тогда он заберет дракона в музей целителей. Как компенсацию. А мэтр сказал, что мы – некроманты, и значит все, что мы делаем: розы или драконы, – тоже принадлежит Фиолетовой гильдии. А магистр Бреннан заявил, что в таком случае сажать новую живянку тоже будет Фиолетовая гильдия. Причем лично мэтр Бастельеро! А мэтр и глазом не моргнул! Но потом назначил нам отработки в лабораториях гильдии. С упырями!

Она встряхнула головой, сбрасывая капюшон, и Аластор заметил у самого ее левого виска заколку, чрезвычайно похожую на настоящее воронье перо, только блеснувшую в лунном свете серебром.

– Это новая столичная мода? – спросил он осторожно, и Айлин смущенно хихикнула.

– Нет! Это новая форма особого курса! То есть... ты же знаешь, какой герб у мэтра Бастельеро, правда? А раз мы его Вороны, то должны быть перья! Это Дарра придумал, и заказал тоже он. А еще мы теперь здороваемся между собой. Вот так!

Она вскинула руку и коснулась серебряного пера двумя пальцами.

Опять Дарра! Ну что это такое, везде он! Драконы, перья... А Аластор, между прочим, всего-то помог найти клад, который Айлин и сама, наверное, нашла бы. Вот бы отыскать еще один или показать ей что-нибудь такое, чего она никогда раньше не видела! Что-нибудь волшебное! Вот только что?

Он закусил губу, с сожалением понимая: что бы он ни придумал, вряд ли это превзойдет развлечения, которые Айлин могут предложить ее взрослые соученики. Да еще из таких знатных состоятельных семей. Нет, Вальдероны тоже отнюдь не бедны, и если Аластор попросит у отца разрешения ухаживать за Айлин, как положено, ему, разумеется, выделят любую разумную сумму по необходимости. Только вот как раз этого им и нельзя... Какие ухаживания, ведь они даже не смогут объяснить, как и где познакомились! И встречаться им разрешат под присмотром кого-нибудь из взрослых, а заниматься на этих встречах исключительно всякими приличными вещами! И вообще, причем здесь ухаживания? Это же... Айлин! Милая, доверчивая, славная... совсем как его сестренки, только лучше!

Аластор придиричиво оглядел ее накидку и поправил воротник, сбившийся набок. Айлин ясно улыбнулась, глядя снизу вверх, и все глупые мысли об ухаживании разом вылетели из головы. Да он ведь до сих пор не знает ее полного имени! Кто ее родители... Почему она

скрывает свое имя... Сначала это действительно было веселой игрой – притворяться, что они рыцарь и леди из приключенческого романа, повстречавшиеся инкогнито и скрывающие правду о себе.

А потом он заметил, что когда рассказывает что-нибудь о родителях или сестрах, Айлин искренне улыбается, но потом неизменно грустит. Очень вежливо и едва заметно – и все-таки улыбка ее тускнеет, а в глазах появляется такое странное выражение... Аластор отдал бы почти что угодно, лишь бы навсегда прогнать эту ее тоску! И ведь не спросишь, в чем дело. Он пробовал, но наткнулся на вежливую холодную отповедь и всерьез испугался, что Айлин больше не придет. Он ведь даже не знает, как ее найти в Академии и можно ли это сделать!

– Чем сегодня займемся? – бодро спросил Аластор, скрывая замешательство. – Снова будем что-то искать?

– Нет... – Айлин помотала головой и вздохнула, а потом принялась сосредоточенно разглядывать носки своих теплых ботиночек. – Я спрашивала мэтра Кирана, но он больше не знает кладов. Призраки... они ведь не всезнающи. А мэтр Лоу никогда не покидает свой склеп. Он как-то сказал, что его незаконченное дело – Академия. Мэтр очень хотел быть преподавателем. Но его почему-то не взяли...

– Жаль, – искренне сказал Аластор обо всем сразу: и о печальной судьбе уже хорошо знакомого ему по рассказам Айлин веселого призрака, и о том, что сегодня приключения не будет. И тут же спохватился: – Но ты ведь не уйдешь? Мы можем заняться чем-нибудь другим!

– Правда? – просияла Айлин и доверчиво посмотрела на него. – А чем?

– Ну... погулять, например. Если ты не против!

Он подал ей руку, и Алин, кончиками пальцев оперевшись о его ладонь, в точности как положено леди самых изысканных манер, поднялась со скамьи. К стене Академии в этом месте примыкал маленький парк. Даже не парк, а просто несколько аллей, с одной стороны выходящих к реке, а с другой – заканчивающихся стоянкой извозчиков, по ночному времени совершенно пустой. Именно сюда выходил потайной ход, когда-то проделанный все тем же мэтром Кираном. Похоже, во времена своей юности бывший некромант был изрядным нарушителем правил.

– Я совершенно не против, – заверила его Айлин и солнечно улыбнулась, так что даже в свете одного-единственного фонаря стали видны ямочки на ее щеках.

Отличные ямочки, кстати, насколько Аластор разбирался в женской моде. Мэнди и Лоррейн позавидовали бы! Пухлые щеки сестрицы все-таки заполучили, истребив несметное количество булочек, а вот ямочки им никак не давались.

С сожалением отпустив руку Айлин, такую теплую в тонкой лайковой перчатке, Аластор отвязал поводья Искры от фонарного столба – редко где еще в столице можно увидеть такую роскошь, кроме как королевского дворца и Академии – и подвел кобылу к скамье. Вскочил в седло, самую малость красуясь хорошей посадкой – все Вальдероны истовые лошадики! – и протянул Айлин руку. Легко, как бабочка, Айлин оперлась носком сапога на стремя и вспорхнула в седло впереди Аластора. Села удобнее, так же доверчиво опираясь на его грудь спиной, и Аластор едва удержался от искушения зарыться лицом в медно-рыжие кудряшки. Вместо этого он поправил сползший с головы Айлин капюшон и тихонько вздохнул. Ну да, будет она еще рассказывать, что не леди. Только очень уверенная в себе аристократка может столь легко нарушать этикет. Или у магесс он другой? Но не настолько же!

– А куда мы поедем? – спросила Айлин, и Аластор вдруг понял, что как раз этого он и не знает.

В самом деле, ну куда можно отвезти благородную девицу в такое время? Часы на главной городской башне уже давно пробили полночь! Все кондитерские давно закрыты, а если в каком-то трактире до сих пор не погасили огни, то уж туда точно соваться не стоит. Парк возле королевского дворца? Там темно и скучно... Рыночная площадь пуста... Проклятье, но

не может ведь он просто покатать ее по ночным улицам, где, того и гляди, наткнешься на городскую стражу, а потом просто вернуть в Академию?!

Что же делать? Благие Семеро, подскажите...

– А где ты была в столице? – спросил он, пытаясь выиграть время и придумать ну хоть что-нибудь.

– Почти нигде, – с сожалением отозвалась Айлин. – Я ведь еще не могла выезжать... Только у родственников... иногда. И однажды Саймон пригласил меня домой.

Снова этот Саймон! И можно не сомневаться, если спросить, окажется, что Дарра тоже был там. Эти достойные юноши хоть когда-нибудь разлучаются?! И зачем, спрашивается, им Айлин? Довольствовались бы обществом друг друга! Делали драконов, катались на них сами...

Аластор закусил губу, почти смирившись с позорным поражением в турнире, который сам же себе и придумал, но тут его осенило! Ну конечно! Самое красивое место Дорвенны великолепно всегда, независимо от времени суток! И если Айлин не видела королевский дворец, то она, считай, и не видела столицу!..

* * *

– Какое... чудо... – тихонько вздохнула Айлин, вцепившись руками в луку седла и восторженно озираясь по сторонам.

– Возле королевского дворца никогда не гаснут огни, – сказал Аластор с такой гордостью, словно это было его рук дело. – Жаль, что сегодня нет никакого торжества. Когда их величества давали бал в честь мэтра-командора Бастельеро, и площадь, и дворец были усыпаны магическими светильниками. Как летнее небо – звездами!

– Вот бы посмотреть... – с капелькой зависти вздохнула Айлин. – А ты был на этом балу?

– Меня представляли их величествам как наследника рода, – отозвался Аластор.

Спрыгнув с лошади, он повел ее в поводу через площадь, не приближаясь к воротам, где дежурит бдительная стража, но так, чтобы Айлин могла разглядеть фасад королевского дворца за ажурной решеткой ограды. От ворот к дворцу вела прямая дорожка, по обе стороны которой раскинулись газоны и клумбы, а дальше, как рассказывал отец, весь дворец окружен садом, в котором гуляют придворные дамы и кавалеры, сами по себе или сопровождая членов королевской семьи.

– И ты видел королеву? Она и вправду такая красавица?

– Ее величество – чудо красоты! – горячо выпалил Аластор. – Сколько бы о ней ни говорили, словами этого не передать. Я видел, как она танцевала с лордом Бастельеро! Такая величественная пара!

– Ну, лорда Бастельеро я вижу почти каждый день, – хихикнула Айлин. – А вот королеву и его величество – только на портретах. Если бы...

И она тут же помрачнела, словно вспомнив что-то очень неприятное.

– Давай проедем вдоль ограды до конца парка? – предложил Аластор. – В нем сейчас никого нет, но если повезет, увидим, как светятся знаменитые зачарованные фонтаны.

Эх, ну почему на дворцовой площади в такое время нет никаких торговцев цветами, горячим вином и сладостями, от которых в другое время не протолкнуться? Он бы купил Айлин всего, что положено дарить девушкам! Дуралей, ну почему раньше об этом не подумал? Зато она носит его подарок, заказанный в память об их первой встрече. Шелковый шарф модного фиалкового цвета, расшитый крошечными белыми цветочками. И на концах – две пышные кисточки, словно распускающиеся из крупных жемчужин – тех самых, что он взял как свою долю клада. Обязательно нужно подарить ей что-нибудь еще, а пока...

– Давай, – согласилась Айлин, и снова закрутила головой, разглядывая башни ратуши на другом конце площади, дворцовые флигели, вдоль которых они шли, и деревья, что становились все гуще.

Потом ажурная кованая решетка сменилась высокой каменной стеной, и Аластору стало стыдно. Фонтаны, статуи и прочие чудеса дворцового парка остались по ту сторону – похвастался, называется. Айлин, конечно, ни слова не сказала, но выглядеть хвастуном в ее глазах было невыносимо! А стена длилась и длилась... Вот уже и площадь закончилась, дальше какой-то переулок... Аластор закусил губу, глядя на каменную ограду, здесь уже совсем не такую высокую и роскошную, как на площади. Вон – в одном месте кладка изрядно выщербилась, а вверху и вовсе обвалилась...

– Айлин, а хочешь побывать в дворцовом парке? – выпалил он.

Сердце замерло от сладкого ужаса, и несколько мгновений он очень хотел, чтобы она не согласилась! Если их поймают...

– В парке? – выдохнула Айлин так, словно он предложил ей сесть на трон Дорвенанта и примерить корону – самое меньшее! – А... как? Нас ведь не пустят?

– А мы ненадолго! – с той же отчаянной безнадежной храбростью заявил Аластор. – Посмотрим – и обратно!

Хоть бы там не было стражи. «Пожалуйста, Пресветлый, – взмолился Аластор, – я ведь не так часто прошу тебя о чем-то, верно? Ты же ценишь храбрость, ну так помоги мне совсем чуть-чуть! Пусть там не будет стражи, а с остальным я справлюсь и сам! Она так смотрит...»

Айлин и вправду глядела на него горящими восторгом глазами, и под этим взглядом Аластор, не раздумывая, сунулся бы в пасть дракону, не то что во дворцовый сад!

– А Пушок? – спросила она, мгновенно уловив план Аластора. – Он нас не выдаст?

– Пусть остается здесь и покараулит Искру. Можешь ему приказать?

– Попробую, – с некоторым сомнением сказала Айлин и, спрыгнув с седла, присела перед огромным волкодавом, который до сих пор удивлял Аластора совершенно не собачьей понятливостью.

Аластор тем временем привязал повод Искры к выросшему в щели мостовой крепкому на вид кустику и достал из седельного мешка заветную веревку, которую припас после первого свидания с упырями. Вот и пригодилась! Лесенка, конечно, была бы надежнее. Ну ничего, в следующий раз он и это учтет.

– Вроде бы он меня понял, – с той же неуверенностью сказала Айлин, поднимаясь и отряхивая подол накидки. – Веревка? Аластор, ты... такой предусмотрительный!

От ее восхищенного взгляда стало так тепло, что Аластор едва не сбросил плащ, но вовремя опомнился. Нет, холодно будет. А если Айлин захочет посидеть на скамье, плащ тем более пригодится – можно подстелить.

Приметив на стене удобный выступ, он связал на конце веревки петлю. Раз, другой... Ну неужели из-за такой мелочи ничего не выйдет?

– Попробуй еще разок! – сказала вдруг Айлин и стала рядом, сосредоточенно глядя на стену.

Аластор взмахнул веревкой и – вот это да! – петля послушно оказалась в нужном месте и точно легла на выступающий камень. Айлин радостно пискнула и подпрыгнула.

Через стену они перебирались быстро и сосредоточенно. Первым, разумеется, Аластор, сверху присмотревшийся к тихому, слегка заснеженному и далеко видному насквозь парку. Луна как раз вышла из легкого облачка, и черные ветви деревьев сплетались в небе ажурным узором немыслимой красоты. Вдали виднелось нежное золотистое сияние – те самые фонтаны, наверное.

Аластор обернулся к Айлин, вцепился в веревку, подтягивая повисшую на ней девочку, и втащил ее на стену. Перекинул веревку и снова спустился первым.

– Мы ведь ненадолго? – с непривычной робостью спросила Айлин, оказавшись по нужную сторону стены. – Ал, я не хочу, чтобы у тебя были неприятности...

Ну да, если их поймают, попадет именно Аластору – он мужчина, к тому же старший. Ну и хорошо! Дворянин должен отвечать за свои поступки, не сваливать же вину на девуцу!

– Мы только посмотрим на фонтаны! – решительно сказал он, подавая Айлин руку. – Они должны быть где-то в той стороне!

И ни одного цветочка – зима еще... А как было бы красиво, найди он в этом черно-белом безмолвии хоть одну чудом сохранившуюся розу! Маг, наверное, смог бы вырастить ее прямо на кусте. Или нет?

Они прошли по аллее до самого источника золотистого света, в самом деле оказавшегося фонтаном. Огромная чаша, наполненная водой, сияла изнутри, и стоящая на пьедестале посередине статуя – тоже. Совсем юная девушка, одетая лишь в длинное одеяние без рукавов и со множеством складок, наклонилась к воде с кувшином, но смотрела не вниз, а на Аластора с Айлин. Собранные в высокий узел волосы, лукавая улыбка на тонком беломраморном лице, обнаженные руки... Девушка была прекрасна и чем-то похожа на матушку! Наверное, взглядом и улыбкой. Такой же милой и искренней!

– Смотри, она как будто сейчас заговорит! – с восторгом выдохнула Айлин, тоже глядя на статую. – И вода светится!

Она наклонилась, стянула перчатку и зачерпнула из чаши фонтана пригоршню прозрачной воды, в ладони оказавшейся самой обычной. Дала ей пролиться сквозь пальцы, и вода, падая обратно в фонтан, снова вспыхнула и заискрилась, будто расплавленное золото. Аластор его никогда не видел, но представлял примерно так. В сиянии фонтана Айлин сама выглядела изящнейшей золотой статуэткой, спрятанной в теплую накидку. Капюшон с ее головы опять сполз, и медно-рыжие волосы казались окруженными ореолом, а лицо будто просияло изнутри...

– Это аллегория Вдохновения работы Алессандро Бертиньоли, – раздался вдруг позади холодный вежливый голос. – Очень известная скульптура. Понимаю и разделяю ваше восхищение, но все-таки хотелось бы узнать, кто вы такие и что здесь делаете.

* * *

Незнакомец еще говорил, а Айлин увидела, как разом подобрался Аластор. Шагнул вперед, будто прикрывая ее, развернул плечи и вскинул голову, оказавшись выше и взрослее, чем ей всегда казалось. А потом отвесил церемонный малый поклон, придерживая рукой шпагу у бедра, и таким же ровным бесстрастным голосом сообщил:

– Прошу прощения, милорд. Я понимаю, что мы здесь незваные гости, но заверяю своей честью, что не имел в мыслях ничего недостойного.

Айлин, тоже рывком обернувшись от фонтана, испуганно вцепилась в снятую перчатку, глядя, как эти двое замерли друг напротив друга. Незнакомец был вряд ли старше Аластора, так же светловолос и плечист, но немного ниже и одет так легко, словно вышел из дома недалеко и ненадолго. Одинаково правильные приятные черты лица, упрямые подбородки и взгляды, скрестившиеся, словно шпаги. Только что не лязгнули.

– Простите, это я виновата! – с неприличной поспешностью выпалила Айлин, тоже шагая вперед. – Я... очень хотела посмотреть знаменитые дворцовые фонтаны. А... мой спутник был столь любезен, что не смог мне отказать.

Улыбнувшись самой благовоспитанной улыбкой – даже ма... леди Гвенивер наверняка осталась бы довольна! – она присела в медленном старательном реверансе и грациозно выпрямилась, не забывая держать спину прямой, а складки накидки – прилично расправленными.

Незнакомец растерянно моргнул, отвел взгляд от Аластора и с удивлением глянул на Айлин. Потом снова глянул на Аластора – и тот едва заметно пожал плечами. Айлин много раз видела этот снисходительный жест и взгляд у мужчин, когда те говорят о женских просьбах.

– О, конечно... – понимающе протянул юноша. – Если таково было желание леди...

Он поклонился, тоже тронув пояс в том месте, где на бедре должна была висеть шпага, но не нашел ее и слегка нахмурился. Да, явно выскочил второпях!

– Мы не хотели никому доставлять неудобства, – поспешно сказал Аластор. – И если позволите вас покинуть...

Айлин перевела дух с некоторым облегчением. Может быть, все еще обойдется? Любой дворянин поймет другого дворянина, выполняющего прихоть дамы, пусть она и выглядит взбалмошной маленькой дурочкой. Ничего! Лишь бы этот юноша не позвал стражу! Сам он явно имеет право здесь находиться, иначе не держался бы с такой уверенностью. Сын кого-то из придворных, живущих во дворце?

– Зачем же так сразу? – пожал плечами незнакомец. – Если юная леди просто хотела увидеть фонтаны... Простите, я не представился. Лорд Криспин, к вашим услугам.

Его взгляд блеснул, и Айлин снова подумала, до чего они с Алом похожи. У обоих улыбка будто появляется в светлых ясных глазах на миг раньше, чем на губах.

– Лорд Аластор Вальдерон, к вашим услугам, – снова ответил поклоном Аластор. – Моя спутница – леди Айлин.

Если новый знакомец и удивился, почему Айлин представили просто по имени, то ничего благовоспитанно не сказал. А ведь он и сам представился странно. Криспин – это личное имя или родовое?

Что-то вертелось у Айлин в памяти, точно связанное с именами, но она решила вспомнить это потом, если сразу не получается. Кем бы ни был этот юный лорд Криспин, он не позвал стражу, храни его Семеро! А значит, еще может быть, что они с Аластором выпутаются из истории. Ух, как жаль, что нельзя назвать себя! К леди Ревенгар, сколько бы ей ни было лет, любой отнесся бы с должным почтением! Но... нельзя. Она сама так решила! И не будет прятаться за родовым именем при первом же случае, когда оно может послужить щитом.

– Рад знакомству, – отозвался юноша. – Позвольте узнать, милорд, вы не видели тут мальчика? Возрастом примерно как эта юная леди и светловолосый, как я. Не думаю, правда, что мальчиков здесь может быть много, – с досадой добавил он. – Перепутать сложно.

– Нет, – покачал головой Аластор. – Мы никого не видели. Но мы здесь недавно и не гуляли по саду, просто... прошли от стены к фонтану.

– От стены? – блеснул острым интересом взгляд Криспина. – А... Ну ладно, неважно. Жаль... Это мой младший брат. Он частенько сбегает перед сном в парк, и если я его не найду, матушка будет недовольна.

– Понимаю, – сочувственно и очень взросло сказал Аластор. – Мои младшие сестры тоже любили сбежать и спрятаться где-нибудь, пока не подросли. Может, у него есть любимые места? Беседка или какой-нибудь грот?

– Да если бы, – безнадежно махнул рукой Криспин. – Он может быть где угодно! А искать его со слугами мне бы не хотелось. Это все-таки дворец...

Ну да, если поднимется шум, обоих братьев наверняка накажут. Айлин точно наказали бы, если б она спряталась где-нибудь и не явилась в спальню в положенное время. А этот Криспин наверняка хороший брат, если хочет прикрыть шалости своего младшего. Но как так можно?! Она бы ни за что не стала доставлять хлопоты брату, который бы так о ней беспокоился! Ведь слушается же она Дарру! Саймона слушаться не обязательно, он и сам в любой момент может учинить такое, что Дарра только за голову хватается.

Глядя на обеспокоенного Криспина, она почувствовала себя совсем взрослой и преисполненной ответственности. И как же обидно, что эти двое разговаривают между собой, не

обращая на нее никакого внимания. Ладно – почти незнакомый Криспин... но Аластор! А она... она, между прочим, могла бы помочь!

– Если для вас это так важно, милорд, – вставила Айлин, поймав паузу в разговоре, – я могла бы найти вашего брата. Ну, то есть не совсем я...

– Миледи?

От снисходительно-удивленного взгляда Криспина, в котором, как в зеркале, Айлин увидела вздорную маленькую девчонку, у нее даже уши загорелись. А вот не надо недооценивать магесс!

– Айлин действительно многое может, – спохватился Аластор. – Если вы позволите.

– Ох, да я что угодно позволю, – вздохнул Криспин и наконец соизволил заметить ее перстень на руке без перчатки. – О, так вы...

– Адептка Академии, – сухо и с должным достоинством сказала Айлин. – И буду весьма признательна, если мое присутствие здесь останется секретом, милорд Криспин.

Ну почему его имя звучит так знакомо? Ладно, потом...

Она повернулась к стене, едва видимой в просвет между деревьями, сосредоточилась и беззвучно, одними губами, позвала:

– Пушок?

Айлин так и не поняла до сих пор, как волкодав ухитряется слышать ее издалека. Явно ведь не ушами, а как-то иначе. Но стоило ей пожелать... Правда, ему наверняка придется бежать через ворота, а там... Ой, там ведь стража! Его не пустят и попытаются прогнать! Что же она наделала? Снова сосредоточившись, Айлин попыталась отозвать Пушка, объяснить ему, что не надо...

И тут увидела белое пятно, стремительно приближающееся от стены, где они перелезали. Пушок летел по саду беззвучно, как привидение, едва касаясь земли огромными лапами, и Криспин охнул, а потом невольно попятился, Айлин же преисполнилась законной гордости и позволила себе один-единственный победный взгляд на нового знакомого.

– Пушок! – велела она, когда огромный волкодав, ничуть не запыхавшись – ну да, он же не дышит по-настоящему – сел у ее ног, показав из пасти лоскут языка и с интересом глядя на Криспина. – Искать! Искать мальчика! У вас есть какая-нибудь вещь брата, милорд? – обратилась она к Криспину.

– Н-нет... – ответил тот, глядя на Пушка широко открытыми глазами. – Это ведь волкодав? А почему белый?

– Потому что он мертвый, – невозмутимо сказала Айлин. – Это я его создала! Ну ладно, попробуем так...

Она присела перед Пушком на корточки, положила ему на морду ладонь и попыталась объяснить без слов. «Мальчик». «Вроде меня». «Похожий вот на этого...» Она оглянулась на Криспина, и Пушок тоже серьезно посмотрел на Криспина и Аластора, будто сравнивая, потом поднял морду... «Он ведь не может нюхать, – снова удивилась Айлин. – Как и слышать... Но как-то ухитряется... Наверное, все дело в том, что он не знает о своей смерти. Вот и ведет себя как живая собака».

Пушок, немного «понюхав» воздух, встал и деловито потрусил куда-то вглубь сада.

– Ваш пес что-то нашел? – недоверчиво спросил Криспин, проводив его взглядом.

– Это собака Айлин, – невозмутимо пожал плечами Аластор. – И я не помню случая, чтобы он что-то не нашел, если Айлин ему приказала. Идемте, милорд?

* * *

Юноша, представившийся Криспином, шагал рядом, и Аластор голову сломал, где же он его видел. Их точно не представляли друг другу, и ни в одном доме из тех, где Аластор

бывал один или с семьей, они не встречались. Но что-то удивительно знакомое было в голосе и повадках Криспина, в том, как он откидывал рукой волосы со лба, досадливо дергал уголком рта и смотрел хмуро, но не раздраженно...

Странный парень, хотя вроде бы неплохой. Во всяком случае, он не позвал стражу, за что Аластор был искренне благодарен. А что смотрит на Айлин с вежливой снисходительностью, так это даже хорошо, меньше будет думать, что магесса, явно не достигшая возраста самостоятельности, делает ночью в компании молодого человека. Наверное, решил, что Айлин – сестра Аластора или кузина?

Пушок бежал вперед уверенно, словно точно знал, чего от него хотят и где это найти. Айлин едва поспевала за его быстрой рысью и размашистыми шагами Аластора и Криспина. К счастью, идти оказалось совсем недалеко. Крошечная рощица плакучих ив – всего пять-шесть деревьев – полукольцом окружила небольшой пруд, и Пушок, подбежав к одной из них, встал на задние лапы и по обыкновению не залаял, а зашипел.

– Уйди! Уйди, плохая собака! – раздалось из ветвей, и в ярком лунном свете стало видно, что на ветке почти у самой верхушки сидит, прижавшись к стволу, мальчишка.

Пушок сел под ивой, всем самодовольным видом показывая, что никак не согласен с таким определением и собака он хорошая. Даже замечательная! А если кто-то думает иначе, то он, наверное, обед. Или ужин...

– Хороший мальчик! – подтвердила Айлин, тиская пса, а Криспин подошел к стволу и мрачно поинтересовался:

– Ты что, ночевать там собрался? А ну слезай!

– Не слезу! – с вызовом заявил мальчишка и покачался на ветке. – А если сам полезешь – заберусь выше и упаду!

– Тин, слушай... – начал было Криспин, но почему-то осекся, глянул на Аластора, потом на Айлин – и безнадежно предложил: – Слезай, а? Я завтра попрошу разрешения взять тебя на охоту.

«Так вот из-за чего это все? – хмыкнул Аластор. – Наверное, отец Криспина собрался на серьезного зверя, иначе почему не взять двенадцатилетнего парня? На кабана или медведя ему, конечно, рано, меня самого на них взяли только в прошлом году...»

– Не разрешат, – угрюмо и очень уверенно сказал мальчишка. – А я не девчонка, чтобы дома сидеть! Никуда не пойду, ясно? Здесь останусь! А ты иди-иди, папенькин любимчик!

– Тин... – сдавленным от злости голосом начал старший брат, и тут Аластор решил, что пора вмешаться.

Что он, собственных сестер не помнит с их вредностью? Хотя они всего на год младше, зато капризничать умели – куда там этому любителю охоты.

– Оставьте вашего брата в покое, милорд, – сказал он самым любезным и серьезным тоном, на какой был способен. – Хочется ему сидеть на дереве – да ради Семерых!

Криспин кинул на него возмущенный взгляд, но тут Айлин поддержала, медовым голоском, изрядно напоенным ехидством, добавив:

– В самом деле, может, у него отрастут крылья, и он станет настоящим украшением парка!

– Ага, вроде статуи Вдохновения! – хмыкнул Криспин, прищурившись и подмигнув Аластору. – Мысль прекрасная, миледи, но боюсь, фонтаны в парке уже заняты и новую статую пристроить некуда.

С дерева донеслось злобное фырканье.

– Айлин, а может, его просто сбить? – громко спросил Аластор, подмигивая теперь уже подруге.

– Яблоко не дам! – поспешно отозвалась та. – Да и не получится яблоком – высоко слишком.

– Зачем яблоком? – так же громко удивился Аластор. – Молотом Пресветлого! Ты ведь можешь? А мы с милордом Криспином его внизу поймаем...

– Ал, ты с ума сошел? – прошипела по-змеиному Айлин, возмущенно на него уставившись. – По живому человеку – Молотом? Да ты... ты...

– Он же этого не знает, – так же тихо сказал Аластор, искренне недоумевая, почему веселая насмешница Айлин вдруг так вспыхнула.

Что он такого особенного сказал?!

Айлин насупилась, потом вздохнула...

– А знаете, отличная мысль! – поддержал вдруг Кристиан и тоже ей подмигнул. – Как мне с ним надоело возиться, вы не представляете! Сбивайте, миледи, я позволяю!

– Ну, как скажете... – отозвалась Айлин и подняла руки к небу.

Вокруг ее пальцев и запястий вспыхнуло зловещее фиолетово-зеленое сияние, и даже Аластору, который уже видел в ее исполнении настоящий Молот Пресветлого, а не эту фальшивку, стало вдруг не по себе.

– Эй, не надо! – раздалось с ивы. – Я слезу! Крис, а ты уши драть не будешь? Обещаешь?

– Обещаю, – серьезно сказал Криспин, пряча ухмылку. – Но если завтра меня самого из-за тебя дома оставят, получишь по шее.

– Ладно... – мрачно раздалось с ивы, и ветки явственно захрустели, так что Аластор даже забеспокоился.

Добравшись до нижней ветки, мальчишка ловко прыгнул с нее, явно красуясь. Хмуро и с вызовом глянул на брата и Аластора, с некоторым интересом – на Айлин.

– Миледи, моя искренняя благодарность, – поклонился Криспин. – А теперь, если позволите, я отведу его домой.

– Да, конечно, нам тоже пора, – спохватилась Айлин. – Правда ведь, Аластор?

– С вашего позволения, милорды, – тоже поклонился Аластор Криспину и угрюмо глядящему на него Тинуу.

Интересно, что у него за полное имя? Тимоти? Тиндалл? Тинлейв?

– Если не возражаете, я вас провожу, – сказал Криспин с таким простым достоинством, что Аластор не нашел слов, чтобы отказаться, но новый знакомый сам понял его затруднение: – Не беспокойтесь, я помню, что вы попали сюда не совсем обычным путем, но выйти вам лучше через ворота. Не знаю, известно ли вам, но после полуночи дворцовую стену с обеих сторон постоянно обходят стражники. Мне бы не хотелось, чтобы у вас... возникли сложности. А со мной караул на воротах выпустит вас беспрепятственно.

– Благодарю, – выдохнул Аластор, чувствуя себя немыслимым болваном.

Ну в самом деле, как можно было решить, что дворцовый парк не охраняется? Не иначе, у него всякое разумение отшибло.

Они прошли назад той же аллеей, причем Тин все время пытался то потрепать Пушка за холку, то потеряться в каких-то кустах, чтобы потом выскочить из них и пробежать вокруг вприпрыжку, то подобрать ветку и швырнуть ее Пушку... Аластор всерьез посочувствовал новому знакомому – у него самого от проделок Тина уже в глазах мельтешило. Словно тому не двенадцать лет, а пять-шесть! Айлин вряд ли намного старше, но насколько рассудительнее! Возле дворца Тин свернул куда-то к боковому входу, бросив брату: «Сам дойду, раз обещал», – а Криспин, проводив его взглядом, только вздохнул.

У самых ворот их действительно встретил караул, и Аластор насторожился, пытаясь представить, что будет, если Криспин переоценил свое влияние на дворцовую стражу. Однако новый знакомый небрежно кивнул капитану, сообщив: «Мои гости слегка задержались. Будьте любезны, откройте ворота», – и высоченный стражник поспешно кинулся распахивать тяжелую створку, закрытую на ночь.

– Не знаю, как вас и благодарить, милорд, – искренне сказал Аластор. – Поверьте, я очень ценю ваше доверие и услугу, которую вы нам оказали. Обычно... я не настолько легкомыслен.

– А, пустое, – улыбнулся Криспин и протянул руку, прямо и так же искренне глянув ему в лицо. – Это оказалось очень весело. Я был бы рад снова увидеть вас и вашу милую спутницу. Вы ведь представлены ко двору?

– Да, конечно, – отозвался Аластор, мучительно пытаясь вспомнить, ну где же они все-таки встречались. – Правда, мы нечасто бываем во дворце, только по особым случаям...

– Что ж, если решите заглянуть, прикажите, чтобы меня известили, я буду рад вас принять. Миледи, мое почтение! Ваше искусство превыше всех похвал.

Айлин молча присела в глубоком реверансе. Слишком глубоком. И, выпрямившись, посмотрела на Криспина как-то странно, а тот ответил ей извиняющейся улыбкой.

– Ваше высочество...

Капитан стражи, подойдя, отдал Криспину честь, и только тогда Аластора осенило.

Никаких оправданий для подобного невежества быть просто не могло! И не было... Ну как он не вспомнил имя наследника?! И второго принца, ведь Тин – это, конечно, же, Кристиан... И неважно, что Аластор никак не ожидал встретить наследного принца ночью в парке, без свиты и регалий! Болван!

– Я прошу прощения, ваше высочество... – начал он, но Криспин прервал его, подняв руку:

– Нет-нет, без церемоний, прошу. Хотя бы не сегодня. И... мое приглашение в силе. Лорд Вальдерон, леди Айлин...

Айлин снова сделала реверанс, Аластор поклонился, а когда выпрямился, Криспин, кивнув, быстро пошел вглубь парка.

– С ума сойти, – сказала Айлин, когда Аластор отвязывал кобылу, дождавшуюся их у выхода с площади. – Даже если бы я рассказала это в Академии, кто мне поверит? Как думаешь, Ал, он всерьез нас пригласил в гости?

– Не знаю, – помолчав, ответил Аластор. – Его высочество – очень достойный юноша.

– Ага, – хихикнула Айлин. – Старший – достойный юноша, а младший – редкая птичка. Жаль. Мне кажется, вы могли бы подружиться.

«Да, пожалуй, – подумал Аластор. – Но если это была простая вежливость, – продолжил он про себя, – будет чрезвычайно глупо и некрасиво напоминать ему об этом знакомстве. Нет, если я когда-нибудь стану служить при дворе... в гвардии, например... и принц снова одарит меня вниманием, тогда это не будет случайностью. А пока не стоит навязываться. Вальдероны не ищут королевских милостей, они служат королевской семье ради чести, а не ради выгоды».

Глава 6. Призраки любят яблоки

– Это издевательство какое-то, – проворчал Аластор, вогнал лопату в землю и сердито вытер пот со лба.

Помогло не слишком: ночь выдалась такой теплой, насколько это вообще возможно в начале весны. Земля давно оттаяла, того и гляди – из нее вскоре полезет первая трава, и даже деревья шумели как-то иначе, веселее. Да, зря он по привычке надел все тот же теплый зимний плащ, надо было подобрать что-то полегче, но теперь поздно жалеть. И вообще, лучше пусть будет жарко, чем холодно...

То есть в самом начале ночи, притаившись в тени стены Академии, Аластор именно так и думал, пока не увидел Айлин, выбиравшуюся из своего тайного выхода с лопатой. И еще немного потом, пока они не добрались до главного столичного кладбища.

Аластору ужасно хотелось спросить, что они собираются выкопать? Ведь клады, насколько он успел узнать за месяц их странной тайной дружбы, не зарывают в землю. В земле клад может испортиться, зимой его не выкопать, а весной и осенью землю может размывать – и твой тайник найдет, чего доброго, кто-то чужой. Да и вообще, глупость это – копать, если можно устроить тайник в склепе! И вдруг – лопата!

Но у Айлин было столь задумчивое и вдохновенное лицо, что Аластор решил немного потерпеть. Все равно ведь она ему все расскажет! Сама ни за что не утерпит!

У самого кладбища, стоило только привязать Искру к коновязи, как Айлин обхватила его руку и потянула за собой, тихо скомандовав Пушку проверить кладбище, а потом найти ее. Пес вильнул хвостом и исчез в темноте, а Аластор вздохнул: как, должно быть, здорово иметь такую собаку! Пушок все-все понимает, и от самой Академии он бежал рядом с Искрой без малейших усилий, а ведь Искра – очень резвая кобыла! И никакие упыри с ним рядом не страшны. Вот бы поохотиться с ним в поместье на обычную дичь! На кабана или на медведя...

Интересно, почему молчит Айлин? Обычно она охотно рассказывала всякие забавные случаи из жизни в Академии. Аластору иногда казалось, что он лично знает и соседку Айлин по комнате, девушку Иоланду, любительницу канареек, и самого лучшего во всем Дорвенанте... нет, во всем мире! – преподавателя истории, магистра Роверстана, и, конечно, мэтра Бастельеро! О нем Айлин говорила с особенным восторгом, и Аластор его полностью разделял: как можно не восхищаться лордом Бастельеро! Он же настоящий герой, самый блестящий дворянин столицы, первая шпага Дорвенны и, как говорят, лучший друг короля!

– Здесь! – прервала Айлин его мысли, останавливаясь прямо перед одним из склепов.

В ярком свете луны герб на фронте был отчетливо виден: крылатый змей, хвост свернут кольцом... Чей же это герб? Ах да, конечно, семья Мэрли!

Айлин звонко щелкнула пальцами, и Аластор поспешно прикрыл глаза ладонью: как он уже знал, магический фонарик после такой темноты кажется поначалу ярким, словно солнце! К тому же у Айлин они выходили раз от раза все больше... Неужели Аластор знаком с ней всего месяц? Ну, может, чуть дольше.

Пожалуй, он мог бы пересчитать и вспомнить каждую встречу, оставалось только сожалеть, что их так мало. Все ночи на выходных, и еще раз пять им с Айлин удалось встретиться среди недели, когда ее соседка отправлялась ночевать в комнату к подружкам, чтобы вволю поболтать и заняться всякими важными девичьими делами. Да, совсем немного, но Аластору казалось, что он знает ее всю жизнь! Как собственных сестер, если не ближе.

Чего стоило одно их знакомство с принцами! Аластору иногда жутко хотелось воспользоваться любезным приглашением его высочества Криспина, но останавливала мысль, что это и вправду была обычная учтивость, и принц либо посмеется над попытками предложить ему

дружбу, либо отнесется к ним с недоумением. Интересно, Айлин вспоминает это их приключение?

Айлин тем временем достала из сумки толстую тетрадь, открыла на середине и принялась сосредоточенно всматриваться в написанное. Аластор заглянул ей через плечо, но страницы покрывали такие неразборчивые закорючки, что ему не удалось опознать ни одного слова. Интересно, как она здесь что-то разбирает?

– Ага-а-а... – протянула Айлин наконец, переведя взгляд с тетради на склеп, и вынула из ножен, висящих на поясе, нож – тонкий и короткий, с полированной костяной рукоятью.

Настоящий ритуальный нож некромантов! Хотя и ученический.

Подобрав подол мантии, она процарапала на земле странно изломанную линию, обводящую порог склепа, и взглянула на Аластора.

– Надо обкопать порог по этой линии. Справишься?

– Конечно! – заверил ее Аластор. – А зачем? Раньше мы такого не делали!

– Иначе мы в склеп не войдем, а тайник внутри, – объяснила Айлин. – Понимаешь, последним здесь похоронили мастера-артефактора, а он поставил на место своего будущего упокоения защиту. Еще при жизни! Мэтр Киран подсказал, как ее снять. Правда, не всю, а только первый слой, чтобы в склеп войти. И сказал, что дальше разберемся по ходу дела... значит, надо разбираться!

Аластор только вздохнул, берясь за лопату. Кажется, «разбираться по ходу дела» было любимой фразой призрачного мэтра. Интересно, не поэтому ли он так рано умер?

* * *

За час земляных работ Аластор не просто согрелся – взмок. И это несмотря на то, что теплый плащ, подбитый мехом, он сразу же отдал Айлин: не хватало, чтобы она замерзла, пока будет ждать! А еще изрядно устал: выяснилось, что час занятий фехтованием или верховой ездой ни в какое сравнение не идут с часом долбления оттаявшей, но плотно слежавшейся земли.

– Издевательство! – повторил он громче. – Айлин?

В ответ раздался сочный хруст. В воздухе запахло яблоком.

– Ну Айлин!

– А?

– Я копаю уже час, может, защита уже снялась? Или ее вообще нет?

Он с надеждой взглянул на Айлин, оседлавшую оградку, хрустящую яблоком и уткнувшуюся в свою тетрадь. И все-таки, что она там разбирает-то?

– Да Айлин же!

– А? – Она подняла голову, одарила и Аластора, и канавку одинаково отсутствующим взглядом и помахала надкушенным яблоком. – Рой-рой, не отвлекайся!

– Да сколько можно? Откуда твой наставник вообще взял, как снять эту защиту, хотел бы я знать?!

– Я тоже очень хотел бы это знать, – прозвучал за его спиной голос.

Призрак голоса... Или голос призрака?

Спина мгновенно заледенела, в затылок словно северный ветер подул, и по шее побежали мурашки. Аластор медленно обернулся и столкнулся взглядом с высоким сухопарым стариком в длинной синей мантии. Старик разглядывал его – нет, их с Айлин! – с искренним интересом и выглядел бы совершенно обычен... если бы не висел в воздухе. И если бы сквозь него нельзя было разглядеть выброшенную из ямы землю.

Проклятье, как вести себя с призраком? Ох, кажется, вся надежда на Айлин!

Айлин как раз торопливо вскочила с оградки, закрыла тетрадь, сунула ее в сумку, вытащив взамен еще одно яблоко. И поклонилась.

– Доброй ночи, милорд магистр Мэрли! Ваш старый друг просил меня передать вам поклон и спросить... – Она подняла яблоко почти к самому лицу, так что золотистый свет магического фонарика заиграл на глянцево-алой коже. – Спросить, не соскучились ли вы по яблокам из сада Великого магистра Логрейна?

На заклинание ее слова похожи не были, но на призрака они почему-то оказали совершенно чудесное действие! Его глаза странно блеснули. Если бы мэтр был жив, Ал поклялся бы, что в них сверкнула слеза. Но разве призраки могут плакать? А лицо смягчилось, и голос зазвучал куда теплее!

– Я искренне рад познакомиться с такой милой юной леди, к тому же знакомой с моим другом! Позвольте узнать ваши имена?

– Меня зовут Айлин. Не леди, просто Айлин. И позвольте представить вам моего друга. Аластор, младший лорд Вальдерон, – улыбнулась она, и Аластор торопливо поклонился.

– Счастлив знакомству, милорд магистр, и к вашим услугам!

– Взаимно, молодые люди, – церемонно поклонился старик в ответ и взглянул на Айлин так пристально и изучающе, что у Аластора мурашки побежали по спине, и ему очень захотелось встать между подругой и призраком.

Так, на всякий случай!

– Достойное желание, – тихо согласился призрачный магистр. – Но не стоит опасаться, юноша, я не сделаю ничего плохого ни вам, ни юной леди... Полагаю, – прибавил он куда громче, – вы пришли за моим наследством?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.